

Содержание

Екатерина Мамыкина. Антиномия падения и спасения града в «Казанской истории»	3
Светлана Федотова. Отрывок Пушкина «Вы так откровенны и снисходительны...». (К проблеме жанра)	13
Константин А. Богданов. Пьянство и русская литература: Риторические модели	23
Константин Лаппо-Данилевский. Вячеслав Иванов в диалоге со школой А. А. Потебни и утверждающимся формализмом	42
Лада Панова. Плохонись, вошедшая в золотой канон: как ее комментировать?	89
Андрей Устинов. Маяковский в «Русском Берлине» весной 1924 года	135
Дмитрий Цыганов. «Борьба за право управлять»: К институциональной истории культурных конфликтов сталинской эпохи (1930–1940-е годы)	154
Наталья Крайнева, Яков Слепков. «Немного географии» Анны Ахматовой: Попытка расширенного комментария	174
Сусан Ашгарани. Понимание и интерпретация романа В. В. Набокова «Лолита» в Иране в аспекте рецептивной эстетики	194

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
С. К. Коломийцева,
А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2023 XIX (1-2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2023 (1-2)

Летняя школа по русской литературе

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

19

Санкт-Петербург
2023

КОНСТАНТИН ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ
(Санкт-Петербург)

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ В ДИАЛОГЕ СО ШКОЛОЙ А. А. ПОТЕБНИ И УТВЕРЖДАЮЩИМСЯ ФОРМАЛИЗМОМ

Осенью 1918 года русский поэт-символист Вячеслав Иванов (1866–1949) был вынужден признать, что большевистский режим достиг известной стабильности, что означало для него неизбежность сотрудничества с советскими культурно-просветительскими учреждениями. 15 октября 1918 года он стал председателем Бюро Историко-теоретической секции Театрального отдела Наркомпроса.

В 1919–1920 годах Вяч. Иванов работал также редактором отдела литературы и филологии в Научном отделе Государственного издательства. В его обязанности здесь входило, помимо прочего, рецензирование статей, предполагавшихся к публикации в изданиях Наркомпроса. Так, Вяч. Иванов должен был оценить работы трех молодых ученых: статью Б. В. Томашевского о ямбах Пушкина, полемическое выступление Р. О. Якобсона против «Науки о стихе» В. Я. Брюсова (1919) и исследование Б. И. Ярхо о латинской поэзии Каролингской эпохи. Это было первое соприкосновение Вяч. Иванова с группой молодых ученых, которых позднее назвали формалистами.

Вскоре после этого Вяч. Иванов написал обзор «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (1920; опубл. 1922), в котором он рассматривал сочинения трех писателей-символистов: статьи Андрея Белого «Жезл Ааронов о слове в поэзии» (1917) и «О художественной прозе» (1919), «Науку о стихе» (1919) В. Я. Брюсова и «Видение поэта» (1919) М. О. Гершензона. Здесь же Вяч. Иванов отрецензировал сборник «Поэтика» (1919) — один из важнейших манифестов русских формалистов, в котором были опубликованы статьи В. В. Шкловского, Л. П. Якубинского, Е. Д. Поливанова, О. М. Брика и Б. М. Эйхенбаума.

После провалившихся попыток покинуть Советскую Россию в 1920 году Вячеслав Иванов решил возобновить после длительной паузы свою научно-преподавательскую деятельность. 19 ноября 1920 года он был единогласно избран ординарным профессором

по кафедре классической филологии новообразованного Азербайджанского государственного университета. В лекциях по поэтике, прочитанных в Баку в 1922 году, он продолжил диалог с формалистами, резко критиковавшими А. А. Потебню и его последователей (так называемую «харьковскую школу»).

Вячеслав Иванов высоко оценил методы анализа фонетических и синтаксических структур в поэтических произведениях, предпринятого формалистами, но при этом полагал их методы в целом излишне «эмпиричными». По его мнению, недопустимо отвергать ряд основополагающих постулатов Потебни, даже если трактовки его эпигонов неприемлемы. Стремясь противостоять аргументации формалистов и обновить психолингвистическую теорию Потебни, Вячеслав Иванов выдвинул понятие «звукообраза», означающего изначальную сопряженность элементарных звукоочетаний с определенными образами. Согласно его идеям возникновение звукообраза — первый и наиболее важный момент и сотворения слова, и сотворения поэтического произведения.

Ключевые слова: поэзия, поэтика, символизм, футуризм, модернизм, формализм, Вильгельм фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Вячеслав Иванов, Андрей Белый, В. Я. Брюсов, М. О. Гершензон, В. В. Шкловский.

Информация об авторе: Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский, д. ф. н., Dr. habil., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: yurij-danilevskij@yandex.ru

Viacheslav Ivanov in Dialogue With the School of A. A. Potebnia and Early Formalism

In autumn of 1918 the Russian symbolist poet Viacheslav Ivanov (1866–1949) was forced to recognize that the Bolshevik regime was stable and that cooperation with its cultural institutions had become inevitable for him. On 15 October 1918 Ivanov accepted a position as head of the historic-theoretical section of the Ministry of Public Enlightenment (Narkompros).

In 1919–1920 Viacheslav Ivanov also served as „editor of the literature and philology section“ in the academic division of the State Publishing House. One of his duties was to review essays submitted for publication in periodicals of the Narkompros. Thus it happened that Ivanov had to evaluate papers by three young scholars: Boris Tomashevsky’s analyses of iambs in Pushkin’s poetry, Roman Jakobson’s attack on Valerii Briusov’s „Science of Verse“ (1919) and Boris Iarkho’s essay on Latin verses of the Carolingian epoch. It was the first encounter of the symbolist poet

with members of a new academic group, which was later called the formalists.

Soon after Viacheslav Ivanov wrote the survey „On the latest theoretical research in the field of the artistic word“ (1920; printed 1922), in which he reviewed the publications of three writers of the symbolist movement: Andrei Belyi’s „Aaron’s Rod — about the Word in Poetry“, „On Artistic Prose“, Valerii Briusov’s „Science of Verse“ (1919), Mikhail Gershenzon’s „Poet’s Vision“ (1919). Together with them he analyzed the famous collections of articles „Poetika“ (1919) — one of the main manifestos of the Russian formalists, containing papers by Viktor Shklovsky, Lev Iakubinskii, Evgenij Polivanov, Osip Brik and Boris Eichenbaum.

After failed attempts to leave Soviet Russia in 1920 Ivanov decided to resume after a long pause his academic career. On 19th November 1920 he was appointed a professor of classical philology at the Azerbaijan State University. In his lectures on poetics in Baku in 1922 Ivanov continued his dialogue with the formalists, who harshly criticized the linguist Aleksandr Potebnia and his students (the so-called „Kharkov School“) in their essays.

Ivanov highly appreciated the Formalists’ analyses of phonetic and syntactic structures in poetry, but he found their approaches to poetry in general too „empirical“. In his view, it was not possible to refute the main postulates of Potebnia, even if treatments by his epigones were unacceptable. Aiming to oppose the arguments of the Formalists, Ivanov revived Potebnia’s psychological theory of language by introducing the concept of „zvukoobraz“ (sound-image), by which he meant fundamental sound combinations that were initially connected with certain images. According to him the emergence of „zvukoobraz“ is the first and the most important moment in the creation of the word and of poetic works.

Key words: Poetry and Poetics, literary Symbolism, Futurism, Modernism, Formalism, Wilhelm von Humboldt, Aleksandr Potebnia, Viacheslav Ivanov, Andrei Belyi, Valerii Briusov, Mikhail Gershenzon, Viktor Shklovsky.

About the author: Konstantin Lappo-Danilevskii, PhD, Doctor Habil. of Philology, senior research fellow, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: yurij-danilevskij@yandex.ru

DOI 10.48612/sum-2023-19-1-2-42-88

Единогласное избрание Вячеслава Иванова 19 ноября 1920 года ординарным профессором по кафедре классической филологии новообразованного Азербайджанского го-

сударственного университета означало для него запоздалую интеграцию в академическую жизнь — жизнь, к которой он себя в молодости готовил и от которой затем предпочел отказаться ради литературного творчества. Статус ординариуса означал обширную преподавательскую нагрузку, ускоренную (в особенности на первых порах) подготовку разного рода занятий и лекционных курсов.¹ При этом *roeta doctus* не мог позволить себе сосредоточиться исключительно на углубленном рассмотрении близких ему тем; в его обязанности входили, помимо прочего, различного рода пропедевтикумы, из которых в высшей степени была важна «Поэтика», курс, призванный заложить терминологический и отчасти методологический фундамент дальнейшего образования студентов филологического факультета.

Как установил Н. В. Котрелев, «Поэтика» читалась Вяч. Ивановым впервые весной 1922 года; курс был дважды повторен весной 1923 года и в 1923/24 академическом году.² Основным источником информации об этом курсе являются их конспекты, сделанные О. Г. Тер-Григоряном, одним из бакинских студентов. Они сохранились у В. А. Мануйлова и, по всей видимости, запечатлели курс в том виде, в каком он был прочитан весной 1922 года (Мануйлов начал свое

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00514, <https://rscf.ru/project/23-28-00514/>, ИРЛИ РАН. Автор признателен П. Дэвидсон, Г. В. Обатнину, И. А. Пильщикову, Н. М. Сегал-Рудник и А. Л. Топоркову за прочтение статьи в рукописи и высказанные соображения.

До 1920 года Вяч. Иванов имел следующий опыт преподавания в высшей школе: с 27 апреля по 13 июня 1903 года он читал лекции по истории дионисийских культов в Русской высшей школе общественных наук в Париже, основанной в 1901 году М. М. Ковалевским; курс опубликован с названиями «Эллинская религия страдающего бога» в журнале «Новый путь» (1904. № 1–3; 5; 8–9) и «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» в «Вопросах жизни» (1905. № 1–2). С ноября 1910-го по май 1912-го Вячеслав Иванов читал курс античных литератур на Высших женских курсах Н. П. Раева в Санкт-Петербурге, заняв здесь место И. Ф. Анненского, скончавшегося 30 ноября 1909 года.

² Котрелев Н. В. Вяч. Иванов профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 327.

обучение на историко-филологическом факультете Азербайджанского государственного университета в феврале 1922 года).¹ В настоящей работе, помимо всего прочего, хотелось бы продолжить разговор об источниках бакинских лекций Вяч. Иванова по поэтике, начатый в статье о значении трудов А. Н. Веселовского для данного курса.² Отмечу также статью Г. В. Обатнина и К. Ю. Постоутенко, впервые специально рассмотревших проблему отношения Вяч. Иванова к формальному методу, но не имевших возможности привлечь для этого материалов бакинских лекций по поэтике.³

Прежде чем обратиться к курсу Вяч. Иванова, имеет смысл привести пассаж из начальной части второй лекции, где он вкратце характеризует состояние поэтики как научной дисциплины и столь же пунктирно называет важнейшие российские публикации последнего времени:

В настоящее время, поэтика, чуждаясь каноники, представляет из себя дисциплину, переходящую от частного

¹ В 1976 году В. А. Мануйлов передал рукопись хранившихся у него конспектов своей ученице Е. Л. Белькинд для изучения и последующей публикации: В 1980 году появилось первое исследование, посвященное этим материалам. *Белькинд Е. Л.* Теория и психология творчества в неопубликованном курсе лекций Вяч. Иванова в Бакинском гос. университете (1921–1922 гг.) // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980. С. 208–214. Подготовленная Е. Л. Белькинд машинопись лекций имела определенное хождение среди литературоведов; укажу, например, на их текст в архиве Д. Е. Максимова: *Иванов В. И.* Поэтика. Запись его лекций, сделанная О. Тер-Григорян<ом>. Ксерокопия машинописи. С сопроводительной запиской Е. Белькинд. Дек. 1978 // РНБ. Ф. 1136 (Д. Е. Максимов). Оп. 2. Ед. хр. 817. Именно этот не до конца выверенный текст лег в основу публикаций: *Tamarchenko A.* The poetics of Vyacheslav Ivanov: Lectures Given at Baku University // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher. Edited by R. L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven, 1986. P. 83–95; *Эткинд Е.* Вячеслав Иванов и вопросы поэтики. 1920-е годы // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV (1–2), janvier–juin. P. 141–154.

² *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 96–110.

³ *Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод: (материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180–187.

к общему, изучает индуктивным путем словесные памятники с исторической точки зрения и только таким образом стремится вывести общие законы рассматриваемого предмета. После Александра Веселовского нужно отметить харьковские сборники под редакцией Лезина. Ценны работы лингвистического кружка ученых в Москве и Петербурге историческими работами, главным образом в области народной словесности («Поэтика»). Сюда относятся работы Жирмунского. (II; 1: 9–10).¹

Пассаж этот ключевой для понимания лекций и требует пояснений. Оставив в стороне труды Веселовского, значение которых для курса рассмотрено в упомянутой выше статье, обратим внимание на другие издания, перечисленные в вышеприведенном пассаже, и попробуем охарактеризовать их значение для лекций Вяч. Иванова, а также его отношение к ученым, опубликовавшим в них.

«ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА»

Под «харьковскими сборниками» в лекциях Вяч. Ивановым имелись в виду «Вопросы теории и психологии творчества», семь выпусков которых вышло в 1907–1916 годах под редакцией Б. А. Лезина (выпуск первый был переиздан в 1911 году в значительно измененном виде).² Учитывая то, что Азербайджанский государственный университет был основан в 1919 году фактически на пустом месте, нет никакой уверенности, что все выпуски этого издания были в наличии в библиотеке Бакинского университета. При этом стоит особенно отметить, что второе издание первого выпуска «Вопросы теории и психологии творчества» несомненно было в руках у Вячеслава Иванова, когда он готовил курс. В тексте его лекций содержатся отсылки к работам, опубликованным именно в этом сборнике, — это две статьи

¹ В настоящий момент 22 лекции Вяч. Иванова по поэтике в записи О. Г. Тер-Григоряна находятся в моем распоряжении; это девять тетрадей, переданных мне Е. Л. Белькинд для публикации. Здесь и далее курс цитируется по оригиналу с указанием лекции, тетради, страниц.

² В 1923 году в Харькове вышел в свет последний, восьмой выпуск «Вопросов теории и психологии творчества», содержащий статьи следующих четырех авторов: А. М. Васнецова, М. О. Гершензона, А. Г. Горнфельда, А. И. Белецкого.

Д. Н. Овсяннико-Куликовского,¹ и одна работа Б. А. Лезина.² Книгой этой пользовались и студенты: так, к тексту лекции XIX в конспекте сделаны небольшие приписки, это цитаты из статьи К. Тиандера «Исторические перспективы современной лирики».³

Какие же цели ставили перед собой Борис Андреевич Лезин (1880–1942),⁴ редактор-издатель «Вопросов теории и психологии творчества», и коллектив сплотившихся вокруг него авторов? Предисловие первого выпуска «Вопросов теории и психологии творчества» начиналось с заявления Лезина о том, что «изучение теории словесности или, лучше сказать, теории поэзии и прозы, — есть изучение процесса нашего мышления». Задачу поэтики он видел в том, чтобы «выяснить характер обыденного мышления, указать в нем на элементарные формы искусства и науки, а затем проследить, как они эволюционируют, каковы их методы». При этом Лезин призывал более широко использовать (в том числе и для преподавания в средней школе) наследие двух «гениальных ученых» — А. А. Потебни и А. Н. Веселовского, «сделавших огромный шаг в деле изучения основ художественного

¹ *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* 1) Из лекций об «основах художественного творчества» // Вопросы теории и психологии творчества (пособие при изучении теории словесности в высших и средних учебных заведениях) / ред.-изд. Б. А. Лезин; Харьков, 1911. Т. I: изд. 2-е, перераб., значит. доп. С. 1–19; 2) Лингвистическая теория происхождения и эволюции поэзии // Там же. С. 20–32.

² *Лезин Б. А.* Художественное творчество как особый вид экономики мысли // Там же. С. 202–243.

³ *Тиандер К.* Исторические перспективы современной лирики // Там же. С. 244–290. Статья отсутствует в первом издании тома.

⁴ Имеющиеся сведения позволяют представить биографию Б. А. Лезина лишь в самых общих чертах. Судя по всему, он учился в 1900-х годах в Харьковском университете, когда там профессорствовал Д. Н. Овсяннико-Куликовский (его и В. И. Харциева Лезин именует своими учителями в предисловии к первому выпуску «Вопросов теории и психологии творчества»). С 1909 г. он числился среди преподавателей 4-й харьковской мужской гимназии; в 1917 году имел чин коллежского советника. В 1920-х — был преподавателем учебных заведений в Харькове; в 1932 году, по данным «Литературной энциклопедии», работал «при кафедре литературоведения Харьковского государственного университета», был занят редактированием полного собрания сочинений Потебни (Литературная энциклопедия: в 11 т. [М.], 1932. Т. 6. Стлб. 152).

творчества».¹ Значительный прогресс в понимании искусства, его происхождения и сути, достигнутый в XIX столетии, Лезин объясняет успехами лингвистики, ставшей рассматривать слово как энергию² и потому совершившей «великие открытия в изучении психологии языка и мысли».

Ту же убежденность, что «рост» искусства и науки обусловлен «прогрессом разума человека», Лезин выразил и в предисловии к переизданному в 1911 г. первому тому «Вопросов теории и психологии творчества». В нем находим следующее широкозаявленное заявление, в котором научные изыскания Веселовского и Потебни объявляются двумя различными путями к единой цели:

Разнообразие и богатство методов изучения истории и психологии образного мышления сводится, в конце концов, к двум наиболее общим и целесообразным: историко-сравнительному и психологическому, в конечных выводах сливающимися воедино. Представителем первого является у нас выдающийся, замечательный ученый Ал-др Веселовский; типичным выразителем второго — не менее выдающийся по широте своего творческого размаха мысли — А. Потебня.³

В заключительных строках предисловия говорится и о цели издания — «дать в возможно более понятном виде для широкой читающей публики конечные выводы этих гениальных ученых по исследованию природы, истории художественного и научного творчества». Эти цели в значительной степени определили гетерогенность «Вопросов теории и психологии творчества», в которых нашли себе место и оригинальные научные труды, и произведения Потебни, извлеченные из его архива, и очерки, адресованные мало-подготовленным читателям (в том числе и гимназистам), и переводы сочинений самого разного плана (Аристотель, Георг Зиммель, Анри Пуанкаре).

¹ Вопросы теории и психологии творчества (пособие при изучении теории словесности в высших и средних учебных заведениях) / изд.-сост. Б. А. Лезин. Харьков, 1907. Т. I. С. 1.

² Лезин отсылает к известному высказыванию Вильгельма фон Гумбольдта; о его значении для Вяч. Иванова см. далее.

³ Вопросы теории и психологии творчества. Т. I: изд. 2-е, перераб., значит. доп. С. [2].

При переиздании первый выпуск «Вопросов теории и психологии творчества» претерпел заметные изменения. Так, было сокращено количество статей Д. Н. Овсяннико-Куликовского — с семи до четырех. Издатели отказались от воспроизведения отрывка об эпосе, лирике и драме из книги Потебни «Из записок по теории словесности» (опубл.: 1905) и статьи Ф. И. Буслаева «О значении современного романа и его задачах» (1877). В общей сложности из первой версии сборника было перепечатано десять статей. Помимо работ Овсяннико-Куликовского, посвященных в первую очередь психологии художественного творчества, это статьи А. Г. Горнфельда и В. А. Харциева о поэзии и прозе, статья Б. А. Лезина о художественном творчестве как особом виде экономии мысли, прочувствованное рассмотрение Е. В. Аничковым исторической поэтики А. Н. Веселовского. При переиздании первого тома «Вопросов теории и психологии творчества» в число авторов вошли Т. И. Райнов и К. Ф. Тиандер. Второй из них был представлен четырьмя статьями, посвященными проблематике литературных родов и жанров («Очерк эволюции эпического творчества», «Обзор сюжетов драматической поэзии», «Сущность комедии», «Исторические перспективы современной лирики»). Умножилось и число публикаций Горнфельда, в книгу теперь вошли статьи: «Трагедия», «Фигура в поэтике и риторике», «Эпитет», «Троп», «Поэзия». В целом в переизданном томе психологическая составляющая не столь однозначно доминирует, как в его первом составе; школы Потебни и Веселовского выступают в более сбалансированном соотношении.

«ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК УЧЕНЫХ В МОСКВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ»

Называя своим ученикам «работы лингвистического кружка ученых» в одном ряду с «Вопросами теории и психологии творчества», Вяч. Иванов прекрасно сознавал антагонизм самоопределявшегося в эти годы формализма и харьковской лингвистической школы с ее ярко выраженным психологическим уклоном. При этом, хотя Вяч. Иванов и говорил о едином кружке ученых в Москве и Петербур-

ге, корректнее вести речь о двух научных объединениях — о Московском лингвистическом кружке (МЛК; 1915–1924) и петроградском Обществе по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ; 1916 — конец 1920-х), на разных этапах своего существования по разному друг с другом взаимодействовавших, но в конце 1910-х годов как раз близких по устремлениям (общим в это время был интерес к стиховедению и поэтике).

Проживая до конца августа 1920 года в Москве, Вяч. Иванов был, без сомнения, немало наслышан о заседаниях МЛК, о фольклорных экспедициях, предпринимавшихся его участниками, чем и было вызвано упоминание работ «главным образом в области народной словесности».¹ Но с учеными МЛК и ОПОЯЗа у Вяч. Иванова были и другие биографические пересечения, на которых в данном контексте имеет смысл остановиться подробнее.

В 1919–1920 годах Вяч. Иванов работал «редактором отдела литературы и филологии 1-й редакционной секции» в Научном отделе Государственного издательства, образованном 20 мая 1919 года при Народном комиссариате просвещения по инициативе А. В. Луначарского.² В обязанности Вяч. Иванова входило, помимо прочего, рецензирование статей, предполагавшихся Госиздатством к публикации. В этом качестве Вяч. Иванову выпало рецензировать работы трех ученых, входивших в МЛК, — Б. В. Томашевского, Р. О. Якобсона и Б. И. Ярхо (эти отзывы были в 1994 году

¹ Здесь Вяч. Иванов тоже не вполне точен; печатные работы участников МЛК «в области народной словесности» на конец 1910-х годов еще крайне малочисленны. Материалы предпринимавшихся МЛК фольклорных экспедиций систематически тогда не публиковались, составить о них представление можно было лишь по ряду публикаций П. Г. Богатырева (см. подробнее: Фольклорные темы на заседаниях Московского лингвистического кружка (вступ. статья и подгот. текста А. Л. Топоркова; комментарии А. Л. Топоркова и А. А. Панченко) // *Неизвестные страницы русской фольклористики* / отв. ред. А. Л. Топорков. М., 2014. С. 138–139 et passim).

² Вяч. Иванов начал службу в советских учреждениях 15 октября 1918 года председателем Бюро Историко-теоретической секции Театрального отдела (ТЕО Наркомпроса). Подробнее: *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и Советская власть (1919–1929): Неизвестные материалы // *Новое литературное обозрение.* 1999. № 40. С. 305–306.

впервые напечатаны К. Ю. Постоутенко).¹ Томашевский был деятельным участником и МЛК, и ОПОЯЗа; Якобсон входил в 1915 году в число учредителей МЛК и был его председателем в 1915–1919 годах; Ярхо стал членом МЛК 21 июня 1919 года по представлению Р. О. Якобсона.²

Наиболее высокую оценку Вяч. Иванов дал статье Томашевского «Пятистопный ямб Пушкина», впервые опубликованной лишь в 1923 году.³ В основу ее был положен доклад, прочитанный Томашевским в МЛК 26 мая 1919 года, в обсуждении которого приняли участие О. М. Брик, М. Н. Петерсон, А. А. Буслаев, Ф. М. Вермель и Р. О. Якобсон.⁴ Принимая выводы Томашевского и будучи убежден предпринятой молодым ученым проработкой материала, Вяч. Иванов был готов спорить «об обще-теоретических тенденциях автора, прямо не связанных с самым предметом исследования». Ему не по душе был отказ от стопы как единицы меры стиха, пренебрежение пеонами, которые, по убеждению Вяч. Иванова, «даны непосредственно как эмпирический факт ритмической мелодики». Он также не был готов поверить Томашевскому, утверждавшему в споре с Андреем Белым, что «поэт в процессе творчества нечувствителен к ритмическим конфигурациям, образуемым рядом его строк». Вяч. Иванов не мог сочувствовать и призывам полностью отказаться от стиховедческой терминологии, сложившейся в результате осмысления античной поэзии, как и ряду других положений Томашевского.

¹ Три неизданные рецензии В. И. Иванова / публ. К. Ю. Постоутенко // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 237–251. Данные материалы были впервые охарактеризованы в предисловии к публикации: Томашевский и Московский Лингвистический кружок / [публ., предисл. и примеч. Л. С. Флейшмана] // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 422. С. 113–115 (Труды по знаковым системам, IX).

² Пильщиков И. А., Устинов А. Б. Московский лингвистический кружок и становление русского стиховедения (1919–1920) // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / ed. by L. Fleishman, D. M. Bethea and I. Vinitsky. 2021. P. 392.

³ Томашевский Б. Пятистопный ямб Пушкина // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин: Эпоха, 1923. С. 7–143; статья была вскоре републикована в кн.: Томашевский Б. О стихе. Л.: Прибой, 1929. С. 138–253.

⁴ См. стенограмму этого заседания: Томашевский и Московский Лингвистический кружок. С. 125–126.

Крайнее отторжение у Вяч. Иванов вызвала рецензия Якобсона «Брюсовская стихология и наука о стихе»,¹ в которой рассматривался «Краткий курс науки о стихе» В. Я. Брюсова.² В отзыве Якобсона поэта более всего возмутило «неприличие тона», наличие в нем многочисленных «отталкивающих образчиков разнузданной хлесткости», а также пронизывающие рецензию «сектантская партийность и вытекающая из нее пристрастность суждения».³ Но и по существу дела Вяч. Иванов был во многом не согласен с Якобсоном, не только «провозглашающим существующие в науке проблемы догматически решенными», но и отменяющим и осмеивающим самое проблематику спора. Это в первую очередь относится к «вопросу о поэтическом мышлении», который

¹ Она вышла в свет лишь в 1922 году: *Якобсон Р. О. Брюсовская стихология и наука о стихе* // Научные известия / Академический центр Наркомпроса. М.: Гос. изд-во, [1922]. Сб. 2: Философия; литература; искусство. С. 222–240. Основные положения рецензии на «Краткий курс науки о стихе» Брюсова первоначально были сформулированы Р. О. Якобсоном в докладе «Образчик научного шарлатанства (по поводу науки о стихе В. Брюсова)», прочитанном 23 сентября 1919 г. в МЛК; в прениях по нему приняли участие С. П. Бобров, О. М. Брик, и Б. В. Томашевский. Протокол заседания опубликован в статье: *Гиндин С. И. Как Московский лингвистический кружок воевал с Брюсовым и Потебней* / Сост., вступ. заметка и коммент. С. И. Гиндина; подгот. текстов А. В. Маньковского // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. С. 70–71.

² *Брюсов В. Я. Краткий курс науки о стихе* (лекции, читанные в студии стиховедения в Москве 1918 г.). М., 1919. Ч. I. Частная метрика и ритмика русского языка (основы русской метрики). Книгу подвергли резкой критике и другие формалисты: *Томашевский Б. В. Теория поэтического языка* [рец. на: *Брюсов В. Я. Наука о стихе. Метрика и ритмика. М., 1917; Белый А. О художественной прозе* // Горн. М., 1919. Кн. II–III. С. 50–55] // Книга и революция. 1921. № 10–11. *Брик О. М.* [рец. на: *Брюсов В. Я. Наука о стихе. Метрика и ритмика. М., 1917*] // Пролетарская культура. № 13–14. Январь–март. 1920. С. 102–104. Так как на обложке книги читаем следующее название: «Наука о стихе. Метрика и ритмика», отличное от того, что указано на титульном листе, то в большинстве отзывов «Краткий курс науки о стихе» фигурирует именно под этим заглавием. Замечания оппонентов были отчасти учтены в доработанной версии книги: *Брюсов В. Я. Основы стиховедения. М.: Гос. изд-во, 1924.*

³ В свою очередь, и Якобсон, ознакомившись с отзывом Вяч. Иванова на свою рецензию, был им крайне недоволен и разразился крайне раздраженным письмом, направленным им в Госиздат (РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 6–10; обширные цитаты см.: Три неизданные рецензии В. И. Иванова. С. 245–249); в печатном тексте ряд выпадов был смягчен.

Вяч. Иванов отнюдь не полагает упраздненным.¹ Для него утверждения о том, что символисты из-за их приверженности Потебне были «неспособны к „установке на выражение“ и потому к научному изучению поэтических форм» — «пример пристрастного искажения перспективы». Вяч. Иванов напоминает о приоритетах и заслугах символистов:

Не они ли, однако, не только практически раздвинули диапазон формальных возможностей нашей поэтической речи, но и теоретически предприняли то исследование, которое в наши дни обратило стиховедение, по словам автора, в «модную» дисциплину? Напомню, деятельность Брюсова и Андрея Белого в Москве, Инн. Анненского и Общества ревнителей художественного слова в Петербурге. Символистам делается упрек в том, что они, в лице А. Белого, усматривают в сущности искусства «безусловное начало» или находят анализ языка, сам по себе, вне обращения к психологии, бездушным. Можно ли более узко понимать задачу поэтики? Во всяком случае, интерес к психическому и духовному в поэзии фактически не помешал символистам заниматься и анализом языка и стиха.²

Хотя Вяч. Иванов не готов во всем встать на сторону Брюсова и не скрывает собственных расхождений с ним, он признает его «эмпирически правым», когда тот при описании русского стиха опирается на опыт изучения античной метрики и ее терминологию. Именно этот подход вызвал крайнее раздражение Jakobson (как и других его единомышленников), объявившего классификацию Брюсова несостоятельной и неприложимой к русскому стиху; разве что в неких кунштюках, по мнению Jakobson, можно обнаружить и липометрию, и гиперметрию, и эпитриты, и молоссы, и восходящие и нисходящие ионик и проч.³ Здесь уже Вяч. Иванов мог почувствовать себя лично задетым, ибо в своих переводах из древних поэтов он целенаправленно создавал силлабо-тонические аналоги для редких античных метров

¹ Ср. пассаж в опубликованной версии рецензии, где речь идет о символистах и в первую очередь об Андрее Белом: «Поэзия трактуется в согласии с Потебней не как выражение, а как особый вид мышления» (*Якобсон Р. О. Брюсовская стихология и наука о стихе. С. 223*).

² Три неизданные рецензии В. И. Иванова. С. 243.

³ *Якобсон Р. О. Брюсовская стихология и наука о стихе. С. 224.*

и стоп.¹ В любом случае вопрос решается «принципиально в пользу Брюсова», Вяч. Иванов настаивает: «как есть в русском языке ямбы, хорей, пэоны, дактили, также объективно существуют и другие описываемые Брюсовым метрические формы, и русский стих, поскольку он и тонический, русский стих в тех пределах, в каких творцы его исходили из тонического принципа и ему одному хотели быть верными, может быть изучаем под этим углом зрения, в этом разрезе».² Такой взгляд делает для Вяч. Иванова неприемлемым отрицание стоп Якобсоном (как несколько ранее Томашевским; см. выше).

Дистанцируясь от Брюсова, находя его систему описания стиха излишне громоздкой, хотя и вполне состоятельной, Вяч. Иванов уклоняется от критики «Краткого курса науки о стихе» под предлогом того, что еще «не решена проблема природы русского стиха, и сам стих развивается в непредвиденных формах». Таким образом, он признает отсутствие убедительного теоретического фундамента у Брюсова, но одновременно и отводит возможные упреки с этой стороны. Причину ряда упреков Якобсона Вяч. Иванов видит в «зачаточной нерасчлененности современной дисциплины о стихе», в непроработанности и непроговоренности понятийного аппарата.

Существенным недостатком книги Брюсова Вяч. Иванов считает то, что тот вынес на обложку понятия метрики и ритмики, тогда как о ритмике в ней речь *de facto* не идет. Связанные с этим выпады Якобсона Вяч. Иванов признает потому правомерными, хотя и чрезмерными. Коснувшись этой тематики, Вяч. Иванов вспоминает и Андрея Белого, трактовавшего в стиховедческих статьях своей книги «Символизм» (1910) «ритм, как сумму отклонений от метра». Этому положению следует и Брюсов в своих немногочисленных общих заявлениях о ритме, что побуждает Вяч. Иванова выразить неудовлетворенность подходом Андрея Белого — недостаточно, по его мнению, дифференцированным:

¹ Об этом подробнее: *Завьялов С. А.* Вячеслав Иванов — переводчик греческой лирики // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 163–184.

² Три неизданные рецензии В. И. Иванова. С. 243.

Ритмика не может обходиться и без различения сильно-ударных, ударных, полудударных слогов, каковым различием пренебрегает не только Брюсов, но и Белый, что для первого, в большей или меньшей степени, методологически извинительно, для второго же неизвинительно, ибо существенно влияет на его статистические подсчеты. Страницы, где автор разбираемой статьи сверяет, с этой точки зрения, примеры, приводимые Брюсовым, с живой акцентуацией нашего языка, противопоставляет формальным требованиям Брюсова некоторые простые нормы, почерпнутые из законов этой акцентуации, — представляются нам ценными.¹

Не рекомендуя рецензию Якобсона к печати, Вяч. Иванов предлагает сократить ее до «академически объективной, научно-деловой и строго ограниченной пределами своей темы заметки, <...> из которой, по возможности, исключено было бы все сомнительное и спорное». Решение, с которым Якобсон, конечно же, не мог согласиться.

Весьма прохладный и краткий отзыв Вяч. Иванова открыл путь в печать статье В. Н. Ярхо «Трохаические тетраметры в Каролингских ритмах», подвергшейся обсуждению на заседании МЛК 19 июня 1919 года.² Основным упреком стало то, что в статье был обследован ограниченный массив текстов и в ней не содержится чего-либо принципиально нового в сравнении с выводами Вильгельма Мейера, сделанными еще в 1880-е годы.³ В отличие от двух предыдущих отзывов Вяч. Иванов никаких теоретических вопросов в связи со статьей Ярхо не затрагивал.

¹ Три неизданные рецензии В. И. Иванова. С. 245.

² Обсуждение доклада Ярхо на основании протокола МЛК представлено в статье: *Пильщиков И. А., Устинов А. Б.* Московский лингвистический кружок и становление русского стиховедения (1919–1920) // *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel* / ed. by L. Fleishman, D. M. Bethea and I. Vinitsky. 2021. P. 398–400. Работа Ярхо по сей день не опубликована; она хранится: РГАЛИ. Ф. 2486. Оп. 1. Ед. хр. 7. Антология каролингской поэзии, подготовленная в 1917 году, была издана лишь в 2010 году: *Ярхо В. И.* Поэзия Каролингского Возрождения / публикатор О. В. Смолицкая. М.: РГГУ, 2010.

³ Иную оценку этого исследования Ярхо см. в статье: *Гаспаров М. Л.* Каролингские тетраметры и теоретическая модель латинского ритмического стиха // *Античная культура и современная наука.* М., 1985. С. 193–201.

ПОЛЕМИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РАННЕГО ФОРМАЛИЗМА

Важнейшими публикациями самоутверждавшегося формализма, как известно, стали «Сборники по теории поэтического языка», первые два выпуска которых были опубликованы в 1916 и 1917 гг. В 1919 году из печати вышла «Поэтика», в которой было перепечатано шесть статей из первых сборников (часть из них в несколько отредактированных версиях): «О поэзии и заумном языке» и «Искусство как прием» В. Б. Шкловского, «О звуковых жестах японского языка» Е. Д. Поливанова, «О звуках стихотворного языка» и «Скопление одинаковых плавных» Л. П. Якубинского, «Звуковые повторы» О. М. Брика. К ним прибавились две новонаписанные статьи Шкловского — «Потебня» и «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля», а также «Как сделана „Шинель“ Гоголя» Б. М. Эйхенбаума. Он же составил краткую библиографию западноевропейских работ по стиховедению. Эти важнейшие публикации раннего формализма многократно рассматривались и анализировались,¹ поэтому здесь имеет смысл лишь вкратце коснуться того полемического заряда, которым они были снабжены, чтобы охарактеризовать реакцию на них Вяч. Иванова.

Уже в своей брошюре «Воскрешение слова» (1914) Шкловский сформулировал одну из своих излюбленных и впоследствии неоднократно развиваемых мыслей о том, что поэтическое или художественное восприятие — «это такое восприятие, при котором переживается форма (может быть, и не только форма, но форма непременно)».² Подтвердить это заявление должна была вырванная из контекста цитата из книги Потебни «Из записок по теории словесности» (опубл. 1905), а также рассуждения его ученика А. Г. Горнфельда в статье «Муки слова»³ (то есть именно

¹ Отсылаю в первую очередь к монографиям: *Эрлих В.* Русский формализм: история и теория / пер. с англ. А. В. Глебовской. СПб., 1996; *Ханзен-Лёве О.* Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М., 2001.

² *Шкловский В. Б.* Воскрешение слова. СПб., 1914. С. 4.

³ Впервые опубликована в виде брошюры: *Горнфельд А. Г.* Муки слова. СПб.: Светоч, 1906.

тех, с кем Шкловский впоследствии столь пылко спорил). Размышления о стирании и обновлении эпитетов подкрепляются ссылками на работу А. Н. Веселовского «Из истории эпитета» (1895), а о том, что язык поэзии не обязательно общепонятный, — на его же «Три главы из исторической поэтики» (1898). Как видим, на этом этапе для придания веса своим мыслям Шкловский стремится опереться на авторитет академической науки, на ее общепризнанные труды. Все это делается для того, чтобы обосновать правомерность футуристической работы со словом; при этом о символистах в заключительных строках брошюры говорится довольно мирно, им даже до известной степени воздается должное: «Осознание новых творческих приемов, которые встречались и у поэтов прошлого — например, у символистов, — но только случайно, — уже большое дело. И оно сделано будетлянами».¹

Столь же осторожны формулировки в статье Шкловского «О поэзии и заумном языке» (1916), где утверждается идея художественного воздействия поэзии в первую очередь через звуки, через фонетическую сторону слова. И тут символисты цитируются, скорее, сочувственно — приводится пассаж о «колорите» звука «у» из статьи Вяч. Иванова «О „Цыганах“ Пушкина» и размышления о том, какие группы звуков какие эмоции вызывают, из брошюры Константина Бальмонта «Поэзия как волшебство».² В ход идут и отдельные суждения немецкого психолога Вильгельма Вундта о вызывании звуками определенных представлений, и приписываемое А. Н. Веселовскому убеждение, что «слово является приемом поэзии». Весь этот арсенал используется для

¹ Шкловский В. Б. Воскрешение слова. С. 16.

² Ср. заключительные строки статьи «О поэзии и заумном языке»: «Но всего показательнее увлечение символистов звуковой стороной слова (работы Андрея Белого, Вячеслава Иванова, статьи Бальмонта), которое почти совпало по времени с выступлениями футуристов, еще более остро поставивших вопрос. И, может быть, когда-нибудь исполнится пророчество Ю. Славацкого (sic — К. Л. Д.), сказавшего: „Настанет время, когда поэтов в стихах будут интересоваться только звуки“». (Поэтика: сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919. [Вып. 3]. С. 26). Здесь и далее статьи цитируются по их тексту в «Поэтике», даже если они были впервые опубликованы ранее.

того, чтобы сформулировать вывод, с которым ни представители академической науки, ни цитируемые символисты, конечно же, не согласились бы, а именно: «И кажется уже ясным, что нельзя назвать ни поэзию явлением языка, ни язык — явлением поэзии».¹

Второй «Сборник по теории поэтического языка» (1917) был уже вполне полемичным, достаточно сказать, что его открывала статья Шкловского «Искусство как прием», в которой он обрушивался и на самого Потебню и на его наиболее успешного ученика Д. Н. Овсяннико-Куликовского (а заодно и на всех тех, кто печатался в харьковских сборниках Б. А. Лезина).² Прежде чем разъяснить такие ключевые для русского формализма понятия, как «прием», «остранение», «автоматизация», Шкловскому было необходимо отмежеваться от психологических интерпретаций словесного искусства, от понимания поэзии как «особого способа мышления, а именно способа мышления образами». При этом не могло не достаться и символистам — если ранее сочувственно цитировались отдельные периферийные высказывания о поэтической фонетике, то теперь нападению подвергаются центральные категории. При этом символисты огульно зачисляются в ряды потебнианцев, эстетические установки которых они, по убеждению Шкловского, продолжают насаждать:

Но определение: «искусство — мышление образами», а значит (пропускаю промежуточные звенья всем известных уравнений), искусство есть создатель символов прежде всего, — это определение устояло, и оно пережило крушение теории, на которой было основано. Прежде всего, оно живо в течении символизма. Особенно у теоретиков его.

¹ Поэтика. С. 26. Ср. примеч. 74.

² В Российской государственной библиотеке сохранился карандашный конспект, сделанный Вяч. Ивановым во время чтения статьи Шкловского «Искусство как прием», (описан следующим образом: *Иванов В. И.* Конспект статьи Шкловского о Л. Н. Толстом. (1920-е гг. (?)). Автограф, карандашом. РГБ. Ф. 109. Карг. 5. Ед. хр. 35. 2 л. Судя по выписанным отдельным словам и заметкам, Вяч. Иванова в наибольшей степени интересовали следующие аспекты теории Шкловского: «прием остранения», «прием замедления», «прием видения вещи», различие «поэтического» и «прозаического» восприятия, экономность первого из них в отличие от второго, автоматизация, «делание вещи», затрудненность поэтической речи и ряд других.

Итак, многие все еще думают, что мышление образами, «пути и тени», «борозды и межи», есть главная черта поэзии.¹

Как видим, здесь впрямую достается Вячеславу Иванову — зыбкая символическая природа заглавия сборника его литературно-философских статей 1916 года² живо ощущается Шкловским и вызывает у него нескрываемое раздражение, как и общий опыт подобных именовании.³ Критических, а то и уничижительных замечаний удостоиваются Д. С. Мережковский, И. Ф. Анненский, Андрей Белый.⁴ Удостаивается выпада и А. Н. Веселовский — за то, что, обсуждая вопросы стихотворного ритма, выразил сочувствие к суждениям Герберта Спенсера об экономии творческих сил.

Против тезиса, что «поэтическое творчество — творчество образов» во втором «Сборнике по теории поэтического языка» выступает и О. М. Брик в статье «Звуковые повторы (анализ звуковой структуры стиха)», хотя его позиция и куда более умеренная, чем у Шкловского. Он в первую очередь против недооценки «звуковой структуры поэтической речи» от ее замечания и неумения вовлечь ее в анализ поэтических произведений, как это, например, наблюдается в статье Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Лирика как особый вид творчества».⁵

Во вступлении к своей номенклатуре звуковых повторов Брик отнюдь не склонен отрицать значения «образного творчества», предлагая следующий взгляд на произведения

¹ Поэтика. С. 102.

² Иванов Вяч. Борозды и межи: Опыты эстетические и критические. М.: Мусaget, 1916.

³ «Пути и тени», по мнению А. Ю. Галушкина, — ироническая контаминация названий сборников В. Брюсова «Пути и перепутья» (М., 1908–1909. Т. 1–3) и «Зеркало теней» (М., 1912). См.: Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933) / сост. А. Ю. Галушкина и А. П. Чудакова; предисл. А. П. Чудакова; комментарии и подгот. текста А. Ю. Галушкина. М., 1990. С. 490.

⁴ Так, «Символизм» (1910) Андрея Белого объявляется книгой, «представляющей из себя героическую попытку создать теорию искусства на основе непроверенных фактов из устаревших книг, большого знания приемов поэтического творчества и на учебнике физики Краевича по программе гимназий» (Поэтика. Пг., 1919. [Вып. 3]. С. 104).

⁵ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Лирика как особый вид творчества // Вопросы теории и психологии творчества / Изд.-сост. Б. А. Лезин. Харьков, 1909. Т. II, вып. 2. 1909. С. 182–226.

словесного искусства: «Я думаю, что элементы образного и звукового творчества существуют одновременно; а каждое отдельное произведение — равнодействующая этих двух разнородных поэтических устремлений».¹ Доказательства тому он находит в исследовании Веселовского «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» (1898), где прослежено, как параллелизм содержательный способствует возникновению «параллелизма музыкального, исключительно ритмико-звукового». Дальнейшее изложение приводит Брика к выводу, что «созвучья не только эфонический придаток, но результат самостоятельного поэтического устремленья», что и должна продемонстрировать его работа.

В «Поэтике», третьем «Сборнике по теории поэтического языка», вобравшем в себя критическую составляющую предыдущих сборников в силу перепечатки наиболее ярких материалов из них, полемический накал был усилен тем, что его открывала краткая статья Шкловского «Потебня», в которой в концентрированном виде суммируются претензии к харьковскому языковеду, артикулированные ранее в статье «Искусство как прием». Более последовательной критике подвергаются учение Потебни о слове как единстве содержательной составляющей, внешней и внутренней форм, его воззрения на символичность слова и на образность как на синоним поэтичности, а также его равнодушие к средствам выразительности.² В целом «система» Потебни объявлялась в статье о нем «неспособной к жизни», что якобы стало причиной незавершенности книги «Из записок по теории словесности», центрального его труда, а потому главная ответственность за некритическое сведение воедино разрозненных идей и их популяризацию возлагалась на учеников Потебни, не давших «себе предварительно труда проверить систему самостоятельной работой». Именно таковы, по мнению Шкловского, создающие на ее основе «здание своей поэтики не только люди типа Харциева

¹ Поэтика. С. 58.

² Обзор дискуссий 1910–1920-х годов в связи теорией слова Потебни см. в статье: Пильщиков И. А. «Внутренняя форма слова» в теориях поэтического языка // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 54–76.

и Овсянико-Куликовского, но и Андрей Белый». Разработку «научной поэтики» Шкловский призывает начать с признания существования языков «прозаического» и «поэтического», с изучения и анализа их различий.¹ Один из подходов к усвоению своеобразия «поэтического языка» должна была наметить статья Л. П. Якубинского «О поэтическом глоссемосочетании», впервые опубликованная в «Поэтике».

Куда более уважительно, чем против Потебни и потебнианцев, в статье «Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля» Шкловский полемизирует с Веселовским, которого без оговорок причисляет к этнографической школе. Активно используя арсенал примеров, которые тот приводит в своей книге «Поэтика сюжетов» (опубл.: 1913), Шкловский отстаивает наличие универсальных правил сюжетосложения, что, по его мнению, значительно ослабляет позиции сторонников теории заимствований. Общий вывод Шкловского о том, что мотивы не что иное, как достояние «формы», а не «содержания» повествовательных жанров, должен был эпатировать читателя.

Как известно, четвертый «Сборник по теории поэтического языка» отдельной книгой не выходил. В его состав зачисляется шесть работ, опубликованных в 1921–1922-м годах отдельными брошюрами с указаниями на титуле о принадлежности к серии этих сборников.² Четвертая из этих

¹ Рассуждения Шкловского полемичны по отношению к противопоставлению «поэзии» и «прозы» у Потебни, видевшему в них два основных типа мышления (соответственно образное и понятийное), первый из которых реализуется в искусстве, второй — в науке. Наиболее полно эта концепция была выражена в курсе лекций Потебни «Психология поэтического и прозаического мышления», посмертно опубликованных Б. А. Лезиным: Вопросы теории и психологии творчества. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2. С. 99–137. Некоторая расплывчатость определений Шкловского объясняется и этой полемичностью, и тем, что его собственная терминология еще не устоялась, а объект исследования недостаточно четко определен. Важнейшим для него было противопоставление языка повседневной коммуникации тому, что лучше обозначить как «язык художественной литературы». В то же время, судя по примерам, под «языком поэтическим» (он же «язык поэзии») Шкловский подразумевал главным образом «речь стихотворную», а под «языком прозаическим» — язык обиходный и нестихотворный.

² Смотри, например, их описание в каталоге Российской национальной библиотеки в Петербурге: <https://clck.ru/34CHgi> (обращение 30.05.2023).

брошюр, книжечка В. М. Жирмунского «Композиция лирических стихотворений» (Пб., 1921), была у Вяч. Иванова под рукой во время подготовки лекций по поэтике, как можно заключить из их текста. Поэтому имеет смысл вернуться к ней несколько позже; сейчас же обратить внимание на то, как Вяч. Иванов откликнулся на третий выпуск «Поэтики» (рецензия, написанная, по-видимому, весной 1920 года, вышла из печати двумя годами позже).

ОБЗОР ВЯЧ. ИВАНОВА «О НОВЕЙШИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ В ОБЛАСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА»

Как писалось выше, Вячеслав Иванов был убежденным противником напечатания статьи Р. О. Якобсона «Брюсовская стихология и наука о стихе» в том виде, в каком она была представлена ему на рецензирование. По иронии судьбы статья Вяч. Иванова «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» была опубликована в том же выпуске, что и рецензия Якобсона на «Краткий курс науки о стихе» Брюсова (28 августа 1920 года Вяч. Иванов покинул Москву и не мог уже противодействовать появлению отзыва Якобсона в «Научных известиях» Академического центра Наркомпроса). В результате в одном и том же издании (но отнюдь не в разделе полемики) было представлено два взаимоисключающих взгляда на книгу Брюсова. Весьма возможно, что именно конфронтация с рецензией Якобсона побудила Вяч. Иванова ознакомиться и с «Поэтикой» (1919), тем более что до него доходили в Москве рассказы о бурных дискуссиях в МЛК, который сливался в его сознании с ОПОЯЗом, для чего имелись определенные основания: оба объединения стремились к методологическому обновлению лингвистики и литературоведения; часть ученых активно участвовала в деятельности и ОПОЯЗа, и МЛК; некоторые доклады читались параллельно и там, и там; и т. п.¹

¹ Обзор тесных контактов МЛК и ОПОЯЗа в 1919–1921 годах в связи с личностью Шкловского см. в статье: *Пильщиков И. А., Устинов А. Б.* Дебют Виктора Шкловского в Московском лингвистическом кружке: От «истории романа» к «развертыванию сюжета» // *Литературный факт.* 2018. № 9. С. 314–334.

Предпринятый обзор должен был, конечно же, не просто дать картину «новейших теоретических исканий», но изначально задумывался как отстаивание ряда основополагающих воззрений на словесное искусство, определенную угрозу которым, исходившую от «кружка ученых», Вяч. Иванов живо ощущал. В контексте нападков на Потебню, на его учение о символизме слова, выведившееся из его «внутренней формы», в высшей степени знаменательным было заявление в самом начале статьи, призванное объяснить кризис послереволюционного словоупотребления: «Слово, делаясь все более механическим, перестает быть живою энергией, при изнеможении того средоточия обращающихся в нем сил, которое Потебня называл его внутреннею формой».¹ Подобный исходный постулат становится залогом общей высокой оценки статьи Андрея Белого «Жезл Ааронов (о слове в поэзии)», несмотря на то что «смешение интуиции и анализа, дискурсивности и импрессионизма в методе исследования и описания, вместе с причудливостью языка и слога, делают замечательную статью во многих ее частях неудобно-вразумительною».² Размышления Андрея Белого о Пушкине и Тютчеве дают Вяч. Иванову повод развернуть собственную сравнительную характеристику творчества двух поэтов. При этом особое восхищение вызывают «мастерские анализы инструментовки» ряда пушкинских и лермонтовских строк. В них Андрей Белый, по убеждению Вяч. Иванова, «заставляет читателя живо почувствовать существо звуко-образа в слове». Это первое употребление термина «звукообраз» у Вяч. Иванова (в статье это слово напечатано еще с дефисом посередине, подчеркивающим и дробность, и «равноправие» его частей). Куда более критичен Вяч. Иванов по отношению к статье Андрея Белого «О художественной прозе»; намеченные здесь подходы

¹ *Иванов Вяч.* О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // Научные известия / Академический центр Наркомпроса. М.: Гос. изд-во, [1922]. Сб. 2: Философия; литература; искусство. С. 165. Называние стихии слова «живою энергией» отсылает прежде всего к статье самого Вяч. Иванова «Наш язык» (1918), где он более развернуто излагает эту свою мысль, опираясь и на Вильгельма фон Гумбольдта, и на Потебню (об этом еще пойдет речь далее).

² *Иванов Вяч.* О новейших теоретических исканиях. С. 165–166.

к изучению ритма прозы, исходящие из убеждения, что он «приближается у лучших прозаиков к определенному размеру, называемому метром», для Вяч. Иванова неприемлемы.

О «Кратком курсе науки о стихе» Валерия Брюсова в обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» повторено мнение, нам уже известное из отзыва о рецензии Якобсона. Книжке воздается должное как «первому опыту строгой метрической систематики и каноники русского стиха», хотя Вяч. Иванов и не может принять брюсовское понимание стихотворного ритма. В то же время «Опыты по метрике и ритмике, по эвфонии и созвучиям, по строфике и формам» (М.: Геликон, 1918), в которых Брюсов ставил себе целью снабдить молодых поэтов образцами для подражания, вызывают крайнее раздражение Вяч. Иванова как безвдохновенное собрание «профанирующих музыкальный треножник хитростей буквенного стихосложения».¹

Приступая к анализу «Поэтики», третьего сборника по изучению поэтического языка, Вяч. Иванов говорит о помещенных в ней «работах молодого лингвистического кружка, замечательных по тщательному подбору и методическому использованию широко привлеченного материала». В то же время уже в первых строках отмечается общая антипотебнианская платформа, объединяющая исследователей: «Исходя из убеждения, что не в образности или „образном мышлении“ надлежит искать критерия поэтической речи, сотрудники, выступающие дружною, единомысленною фалангой, устремляют все свое внимание, в круге проблем стихотворчества, на изучение стихии звука».² Именно за эти заслуги высокой оценки удостоиваются статьи Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского, О. М. Брика. При этом Вяч. Иванов полагает, что «Потебня остается неуязвим в своем анализе природы слова и в утверждении языкотворческого символизма», и ставит в вину новой школе стремление «отменить самое проблематику образного мышления».

¹ Вяч. Иванов высказывает свое мнение об обеих книгах Брюсова также в беседе с Альтманом от 10 января 1921 года (*Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым* / сост., подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 18–19).

² *Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях.* С. 174.

Соглашаясь со Шкловским в том, что поэтам свойственно тяготение к «заумным, ничего не значащим словам», Вяч. Иванов противопоставляет десемантизированной зауми понятие звукообраза (в сущности речь идет о том же заумном языке, составляющие которого, по убеждению Вяч. Иванова, изначально сопряжены с зачаточными образными значениями). В потенции звукообраз оказывается связанным с мифом как его первый, зарождающийся прообраз и тем самым включен в контекст более ранних размышлений Вяч. Иванова о мифе и символе:¹

Защитники теории образности могли бы, думается, противопоставить этому наблюдению, с своей стороны, материал, доказывающий одновременное тяготение поэта к «заумному» образу: так, пугала народной фантазии, в роде эллинской Баубо или нашей Бабы-Яги, знаменуются звукообразами, в коих звук первоначально гораздо более оформлен, нежели образ, являющийся для мифотворчества не данным, а заданным; это задание и питает позднейшие мифологемы.²

Но «звукообраз» важен для Вяч. Иванова не только как лингвистическая категория, наглядно иллюстрирующая процесс словопорождения, но и как термин психологии творчества, благодаря которому может быть запечатлен один из ключевых моментов создания поэтического произведения:

Музыкально-ритмическое воление, так пластически выраженное в словах Гете о поэте: «dem die ewigen Melodien durch die Glieder sich bewegen» («у него же вечные мелодии движутся по членам»); звуковое пленение и одержание («душа трепещет и звучит...»), влекущее поэта к темной глоссолалии, пока он, «ищущий, как во сне» (по свидетельству того же Пушкина), «свободного» (а не плененного темной стихией) «проявления» своей наполненной звуками души, не преодолел первоначального звукового «смятения» («и звуков, и смятенья полн...»); наконец, как бы сновидческое переживание динамического ритмо-образа и более устойчивого звукообраза, в нераздельном слиянии с созер-

¹ Там же. 174.

² Там же. С. 174. В заключительных строках статьи «Поэт и чернь» (1904) Вяч. Иванов писал: «к символу же миф относится, как дуб к желедию». Парифразировав, можно утверждать, что и к звукообразу символ, в свою очередь относится, как дуб к желедию.

данием поэтическим, с осмыслением образа, — вот легко различимые и равно могущественные элементы того живого единства совместно или последовательно пробуждающихся и согласно действующих сил, которое типически предложит нам в полном и завершенном акте поэтического творчества.¹

В том, что Шкловский ограничивается констатацией роли зауми для создания эстетического эффекта в силу ее семантической неясности (то есть на первый план выдвигается рецептивный аспект), поэт видит «обеднение жизненного содержания описываемого явления в целях простейшего и позитивнейшего его истолкования». Для самого Вяч. Иванова заумь изначально семантизирована, она изначально носительница еще не прояснившегося зачаточного значения, ключ к которому — ее звучание. В этом потенциале дальнейшей семантизации зауми, в разворачивании сопряженных с нею звукообразов в полноценные образы — ее значение и для глоттогенеза, и для словесного творчества.

Отдавая должное критике понимания Потебней поэзии как особого вида мышления — «мышления при помощи образов», «закона» экономии сил, усвоенного его последователями, а также предпринятому Шкловским анализу приемов «остранения» вещей, затрудненной формы и пр., Вяч. Иванов все же должен признаться в своей общей неудовлетворенности трудами нарождающейся школы, многое упрощающей и выдающей «pars pro toto» (особенно это ощутимо для него в статье Б. М. Эйхенбаума «Как сделана „Шинель“ Гоголя»). В целом для поэта очевидна неоправданность притязаний новой школы «заложить основы новой, „научной“, точнее — эмпирической, поэтики», ибо при всей «тщательной и остроумной разработке словесного материала» и освещении «отдельных частных явлений в жизни слова» этого невозможно добиться «при отсутствии как философского анализа их, так и исторической перспективы».

Заключительные две главки обзора Вяч. Иванова посвящены брошюре М. О. Гершензона «Видение поэта» (1919) — «новому опыту из области философии поэзии», учащей «искусству медленного чтения», интуитивного вживания, цель

¹ Там же. С. 175.

которого обнаружить «заветную тайнопись» в произведениях любимых поэтов.¹ В первых строках рецензии Вяч. Иванов подчеркивает кардинальное различие подходов авторов «Поэтики» и своего друга:

Если только что рассмотренные работы принципиально отводят «образному мышлению» в поэзии место подчиненное, М. О. Гершензон, напротив, именно в нем ищет ключа к существенному постижению поэтического творчества, хотя и хорошо знает, что «с непреложной закономерностью служит звуковой орган вдохновению поэта, причем эта работа совершается вполне безотчетно». Но верховное задание поэзии — начертать образ созерцаемого поэтом совершенства — осуществляется в подобию и отображениях: «вот почему художник творит в образах».²

И действительно, образец психологизированного философствования, который представляет из себя книжечка Гершензона, мог вызвать разве что высокомерную улыбку в кругу МЛК и ОПОЯЗа. Высказывания о том, что «произведение искусства может быть правильно понято только в целостной живой личности своего творца», что в творчестве каждого поэта следует распознавать своеобразное впечатление вселенской идеи, что подлинный художник в мире — «образ совершенства» и пр., были для них по меньшей мере непродуктивными.³ Отдавая должное «остроумным и глубокомысленным наблюдениям и соображениям», Вяч. Иванов находит главный недостаток «метода Гершензона» в том, что он «в корне психологический и потому чуждый по самой природе своей платонизму», в том, что у Гершензона «поэтика всецело растворяется в психологии». Отмечая все же определенный «налет платонизма» в построениях своего друга, он укоряет его как раз в том, что этот платонизм

¹ Примечательным образом Вяч. Иванов не упоминает очерка Г. Лансона «Метод в истории литературы», переведенного Гершензоном и включенного им в свою книгу в качестве приложения: *Гершензон М. О. Видение поэта*. М.: 2-я типолит. МГСНХ, 1919. С. 59–80.

² *Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях*. С. 178.

³ В этом контексте важны наблюдения о значении идей Потебни и Бергсона для теории чтения Гершензона, сделанные в статье: *Смирнова Н. Н. Образ в теории чтения М. О. Гершензона // Вестник Костромского государственного университета*. 2020. Т. 26, № 4. С. 148–154.

недостаточно последователен, а потому для того «поэтическое произведение есть лишь свидетельство о личности его творца» и как таковое бесполезно для «всеобщего, объективного, безусловного познания». Иными словами, и Гершензону, как и авторам «Поэтики», хотя и по-иному, недостает более глобального, философского взгляда и исторической перспективы. Все же «Видение поэта» — весьма ценно для Вяч. Иванова как интимное свидетельство о вчувствовании Гершензона в творчество Пушкина, как путь, который сулит успех лишь «при условии чистой интуитивности, при подавлении всех посторонне-рассудочных процессов мысли, при счастливейшем сочетании художественной фантазии с критическою зоркостью». Лишь при исполнении этих условий тот, кто последует «методу Гершензона», осуществит некую сверхзадачу, а именно: «критик, совершивший такой подвиг воссоздания, увидит преображенный внутренний лик своего избранника-поэта в принадлежащей ему светлой обители вечных идей». То есть сама сверхзадача постижения художественного произведения понимается поэтом-символистом вполне в духе платонизма, который, по его мнению, и придает этому постижению необходимую философскую перспективу и глубину.

ВЯЧ. ИВАНОВ О ПОЭТИКЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ

Свой пропедевтический курс Вяч. Иванов начинает с суждения, которое было способно обескуражить его аудиторию, отказывая поэтике в том, что она уже состоялась как научная дисциплина:

Поэтики, строго говоря, не существует. Поэтика рассматривается как часть эстетики, под ней понимают также совокупность эстетических норм при создании поэтического произведения или при суждении о нем.

Историческая поэтика — научная дисциплина; дисциплина эта новая, она еще не наука, но подлежит научной разработке. Начало ей положил Александр Веселовский. От его труда осталось лишь три главы; ни у кого завершения исторической поэтики нет. Историческая поэтика изучает генеалогию и эволюцию поэзии, изучает требования для

того или иного рода произведений в данную эпоху, она должна раскрыть сущность поэзии (I; 1: 2).¹

Несколько дальше Вяч. Иванов поясняет, что подобная «совокупность эстетических норм при создании поэтического произведения или при суждении о нем» как раз и имеется в виду под теоретической поэтикой, которая в древности понималась как «кодекс правил». Оглядываясь назад, Вяч. Иванов все же не видит в прошлом целостного здания теоретической поэтики ни у отдельных авторов, ни у отдельных эпох: у Платона она имеется «в намеках, не развитая» («профессиональный миф о поэте», «учение о вдохновении»); Аристотель рассматривает лишь «некоторые стороны поэтического творчества», когда пишет «о влечении подражать»;² в связи с Данте и средневековьем он подчеркивает, что тогда «принимались за вопросы поэтики *философски*»; «замечательными» в вопросах поэтики названы труды Лессинга, «изречения Гете, ряд статей Шиллера, статьи Шлегеля, наличие «рассуждений о поэтике» констатируется у Гегеля, Шеллинга, Шопенгауэра и других философов.³ Однако философскому подходу отказывается в соответствии духу времени, а заодно и высказывается глобальное сомнение в его плодотворности для поэтики:

¹ В начале второй лекции, повторяя основные положения лекции первой, дает более четкое определение поэтики именно как научной дисциплины «Поэтику можно определить, как науку или попытку систематического знания о поэзии. Но, что такое поэзия? Существуют два пути в ответ на этот вопрос, два метода, чтоб ответить на него: 1) метод эстетический, 2) метод исторический; канонист, теоретик ответил бы на этот вопрос догматами; историк, отвечая на него, сказал бы: „Раньше посмотрим, с чего началась поэзия, какова ее генеалогия и эволюция“» (I; 1: 4).

² Более развернуто эта мысль представлена в беседе с М. С. Альтманом от 4 февраля 1921 года: *Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым*. С. 45.

³ Столь беглый и общий охват основных явлений теоретической поэтики объясняется обзорным характером курса (хотя весьма возможно и то, что, записывая лекции, О. Г. Тер-Григорьян чего-то не успевал фиксировать). Во всяком случае зияющее отсутствие теоретиков французского классицизма отчасти «компенсируется» следующим замечанием Вяч. Иванова, сделанным чуть ниже и намечающим определенное понимание литературной эволюции: «Каноны были выставляемы классиками; романтики канонов в строгом смысле не выставляли» (I; 1: 4).

Наше время — не время философской обработки эстетических вопросов. Теперь нет эстетики, опирающейся на метафизику: в поэтике и в эстетике господствует материал эмпирический и психология. Философское рассмотрение поэтики дело, быть может, невозможное (I; 1: 3–4).

Говоря о «господстве эмпирического материала», Вяч. Иванов несомненно подразумевал работы Шкловского и других участников «Поэтики», как явствует из его обзора «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (см. выше). Под «психологией» «в первом приближении» имелись в виду Потебня и его последователи, Гершензон и отчасти Андрей Белый, а в более широком плане обильный поток западноевропейских работ по психологии творчества, разлившийся в XIX — начале XX века, в особенности принадлежавших немецким авторам, — Вильгельму Вундту, Вильгельму Дильтею, Зигмунду Фрейдю, Эрнсту Гроссе, Карлу Гроосу, Рихарду Мюллеру-Фрейенфельсу и др.¹

Что касается исторической поэтики и значения в лекциях ее задач, то утверждение Вяч. Иванова о том, что историческая поэтика «должна раскрыть сущность поэзии», восходит непосредственно к А. Н. Веселовскому, к его статье «Из введения в историческую поэтику» (1893), в которой ученый-компаративист сообщал о том, как стал в определенный момент собирать «материал для методики истории литературы, для индуктивной поэтики, которая устранила бы ее умозрительные построения, для выяснения сущности поэзии — из ее истории».²

В зачине лекции II, отчасти повторяя сказанное в лекции предыдущей, Вяч. Иванов предпочитает говорить уже

¹ См. обзор нач. 1920-х годов психологического подхода к изучению поэтики в статье: *Белецкий А. И.* Несколько слов о разработке научной поэтики в России и на Западе (от редактора) // Мюллер-Фрейенфельс Р. Поэтика / перевод с немецк. изд. 1921 г. И. Я. Каганова и Э. С. Паперной, ред. и предисл. проф. А. И. Белецкого, изд. «Труд», Харьков, 1923. С. 3–20. Важная в данном контексте современная работа: *Светликова И. Ю.* Истоки русского формализма: Традиция психологизма и формальная школа. М., 2005.

² *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику // Веселовский А. Н. Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. 1: Поэтика (1870–1899). С. 31.

о трех видах поэтики: 1) о нормативно-предписательной — «канонике»; 2) о теоретической, т. е. как части эстетики, и шире — философии; 3) и об исторической, т. е. той, которой положил начало Веселовский. При характеристике этой последней несколько иначе парафразирована та же цитата из статьи Веселовского «Из введения в историческую поэтику»:

1) Поэтика может рассматриваться как совокупность правил, тогда она может быть названа каноникой.

2) Поэтика может быть частью эстетики, относиться к философским дисциплинам, рассматривать свой предмет с точки зрения его общих принципов. (В этой области первые шаги были сделаны Платоном и Аристотелем).

3) Третий вид поэтики — поэтика историческая — более новый вид ее; древние в V в. до н. э. тоже, впрочем, пытались заниматься историей родов поэтических произведений. В настоящее время, поэтика, чуждаясь каноники, представляет из себя дисциплину, переходящую от частного к общему, изучает индуктивным путем словесные памятники с исторической точки зрения и только таким образом стремится вывести общие законы рассматриваемого предмета (II; 1:7).

Надо сказать, что противопоставление поэтики теоретической и исторической чуждо европейской традиции. Ничего подобного не находим, в частности, в немецком литературоведении и эстетике XIX — нач. XX веков, на которую преимущественно ориентировалась русская мысль этого времени.¹

¹ См. обзор различных подходов к изучению поэтики немецкими учеными в первом разделе книги Рудольфа Лемана: *Lehmann R. Deutsche Poetik*. München, 1908. S. 1–73. Ср. также главу «Из предыстории исторической поэтики в Германии» в кн.: *Михайлов А. В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры: очерки из истории филологической науки. М., 1989. С. 64–148. При этом не приходится сомневаться, что именно от немецких ученых Веселовский получил важнейшие импульсы для создания своей исторической поэтики. Как известно, большое значение имела для него «Поэтика» Вильгельма Шерера (1888), неоконченный труд, изданный после смерти ее автора, о котором русский ученый в целом отзывался весьма критически. Еще в 1860-е годы под влиянием лекций Г. Штейнталя по «психологии народов», слышанных им в Берлине, Веселовский начинает размышлять о возможности построения «исторической эстетики»; этот термин он продолжает употреблять до конца 1880-х годов (*Жирмунский В. М.* «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского // *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 5).

В то же время, выдвигая масштабный проект исторической поэтики, Веселовский провоцировал своих соотечественников на подобный ход мысли: через противопоставление теоретической поэтике новая дисциплина могла обрести более явные контуры.¹

Отсутствие упоминания формалистов Вяч. Ивановым в вышеприведенных цитатах объясняется тем, что собственно поэтики в смысле «науки или попытки систематического знания о поэзии» он в работах формалистов не видел; для него они были лишь «эмпириками», которым принадлежит заслуга «тщательной и остроумной разработки словесного материала, достаточного для освещения лишь отдельных частных явлений в жизни слова», — так поэт-символист сформулировал это в своем обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова».

В то же время у Вяч. Иванова под рукой была брошюра В. М. Жирмунского «Композиция лирических произведений», где тот характеризует свой подход как реализующий установки теоретической поэтики и указывает на значение сборника «Поэтика» для своего труда. Постигание произведений словесного искусства через «факты языка» для Жирмунского и есть основа «теоретического метода»: «Мы хотели бы, исходя из общих положений теоретической поэтики, наметить методы изучения композиции и основные типы композиционного членения. <...> Во всякой классификации приемов словесного искусства, во всякой теоретической поэтике различаются три группы явлений, три основных отдела: 1. стилистика; 2. тематика; 3. композиция».² Как видим, наполнение понятия «теоретическая поэтика» у Вяч. Иванова и Жирмунского весьма различны: у первого из них анализу

¹ Так, противопоставление исторической и теоретической поэтик, весьма близкое тому, что у Вяч. Иванова, находим в статье: *Розенфельд Б.* Поэтика // Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9. Стлб. 215–224. Ту же напрашивающуюся, по-разному осмысляемую антитезу встречаем и позднее; например: *Тамарченко Н. Д.* Поэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М., 2008. С. 182–186.

² *Жирмунский В. М.* Композиция лирических стихотворений. Пб.: ОПОЯЗ, 1921. С. 3.

текста предпослана выработка категорий с философско-эстетических позиций, у второго — с лингвистических.¹

СЛОВО КАК ЭНЕРГИЯ (К ТЕМЕ «В. ФОН ГУМБОЛЬДТ И ВЯЧ. ИВАНОВ»)

Размышления о языке с использованием греческих слов ἔργον и ἐνέργεια, восходящие в той или иной мере к Вильгельму фон Гумбольдту, весьма частотны во второй половине XIX — начале XX века и у языковедов, и у философов, и у литераторов. При этом интерпретаторские расхождения, как и степень притяния или неприятия идей немецкого ученого, порой весьма велики, что побуждает обратиться к его работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1836). Здесь содержится следующий пассаж; приведу его в оригинале, и в современном переводе В. А. Звегинцева):

Die Sprache, in ihrem wirklichen Wesen aufgefaßt, ist etwas beständig und in jedem Augenblicke Vorübergehendes. Selbst ihre Erhaltung durch die Schrift ist immer nur eine unvollständige, mumienartige Aufbewahrung, die es doch erst wieder bedarf, daß man dabei den lebendigen Vortrag zu versinnlichen sucht. Sie selbst ist kein Werk (Ergon), sondern eine Tätigkeit (Energeia). Ihre wahre Definition kann daher nur eine genetische sein. Sie ist nämlich die sich ewig wiederholende Arbeit des Geistes, den artikulierten Laut zum Ausdruck des Gedanken fähig zu machen.² (По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой

¹ Мысль эта неизменно варьировалась в начальных абзацах резонансной статьи Жирмунского «Задачи поэтики» (впервые: Жизнь искусства. 1919. № 313–317). В редакции 1921 года, которая вполне могла быть доступна Вяч. Иванову в Баку, молодой ученый отмечал, что формалистами «работа ведется ощупью, без всякой системы, и не имеет достаточно определенных результатов». Одновременно он выступал за «систематическое изучение поэтических приемов, их сравнительное описание и классификацию», которое, по его мнению, по плечу только теоретической поэтике (Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Начала. Журнал истории литературы и истории общества. 1921. № 1. С. 51).

² Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. S. 41.

далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли.¹

Эти мысли Гумбольдта получили в России широкую известность благодаря переводу с элементами пересказа данного отрывка и нескольких последующих фраз в книге Потебни «Мысль и язык» (1862):

«Язык, — говорит Гумбольдт, — в сущности есть нечто постоянное, в каждое мгновение исчезающее... Он есть не дело (ἔργον), не мертвое — произведение, а деятельность (ἐνέργεια)», то есть самый процесс производства. «Поэтому его истинное определение может быть только генетическое. Язык есть вечно повторяющееся усилие (работа, Arbeit) духа сделать членораздельный звук выражением мысли... Это — определение не языка, а речи, как она каждый раз произносится (des jedesmaligen Sprechens); но, собственно говоря, только совокупность таких актов речи (des Sprechens) есть язык. В бессвязном хаосе слов и правил, который мы обыкновенно называем языком, действительно есть налицо то, что мы каждый раз произносим. Притом в таких разрозненных стихиях не видно самого высшего, тончайшего в языке, именно того, что можно заметить или почувствовать только в связной речи. Это доказывает, что язык в собственном смысле заключен в самом акте своего действительного появления».²

Надо отметить, что Потебня отнюдь не соглашается с Гумбольдтом, для его дальнейших размышлений весьма важно, что язык это и некое «произведение» (ἔργον, Werk; в своем пересказе он говорит даже о «мертвом произведении»), нечто застывшее, данное нам как зафиксированный результат речевой деятельности предшествующих поколений:

¹ Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / 2-е изд. М., 2000. С. 70.

² Потебня А. А. Мысль и язык. 2-е изд. Харьков, 1892. С. 28–29. Влияние идей Гумбольдта для Потебни рассматривалось в статье: Белый А. Мысль и язык (философия языка А. А. Потебни) // Логос. 1910. Кн. 2. С. 244–246. Здесь же отмечалось на значение Потебни для «взглядов Вячеслава Иванова на происхождение мифа из художественного символа».

Хотя речь живого или мертвого языка, изображенная письменами, оживает только тогда, когда читается и произносится, хотя совокупность слов и правил только в живой речи становится языком; но как эта мумиеобразная или окаменелая в письме речь, так и грамматика со словарем — действительно существуют, и язык есть столько же деятельность, сколько и произведение.¹

В свете изложенного выше весьма любопытно обращение Вяч. Иванова к наследию Вильгельма фон Гумбольдта в статье «Наш язык» (1918), в которой поэт символист выступил в первую очередь против попыток обмирщения русского языка, разрушения его сакральной составляющей. Начальная главка статьи открывается следующим утверждением:

Язык, по глубокомысленному воззрению Вильгельма Гумбольдта, есть одновременно дело и действенная сила (ἔργον и ἐνέργεια); соборная среда, совокупно всеми непрестанно творимая и вместе предваряющая и обуславливающая всякое творческое действие в самой колыбели его замысла; антиномическое совмещение необходимости и свободы, божественного и человеческого; создание духа народного и Божий народу дар.²

Бросается в глаза, что Вяч. Иванов воспроизводит нам отнюдь не мнение Гумбольдта, язык для которого ἐνέργεια, а не ἔργον. Ссылаясь по памяти, он воспроизводит точку зрения Потебни. При этом понятия, восходящие к Гумбольдту, подвергаются Вяч. Ивановым переосмыслению, им придается религиозные и неославянофильские коннотации, на что недвусмысленно указывает вовлечение в дискурс понятия «соборность».³ Язык трактуется как «соборная среда», мистическая субстанция, существующая и отдельно, независимо от народа, и неотъемлемо от него, благодаря своей соборной общности, каждодневно его творящего. Весьма прихотлив и перевод греческих слов ἔργον и ἐνέργεια, предлагаемый Вяч. Ивановым. Немецкое «Werk», конечно, в некоторых кон-

¹ Потебня А. А. Мысль и язык. 2-е изд. С. 29.

² Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.; Пг., 1918. С. 135.

³ Свое толкование этого понятия Вяч. Иванов дал в статье «Легион и соборность» (1916).

текстах можно перевести как «дело», но в данном случае, конечно, куда точнее передают мысль Гумбольдта такие варианты, как «произведение» или «продукт деятельности». Что же касается перевода «Tätigkeit» (ἐνέργεια) как «действенная сила» или «энергия» (см. следующий абзац), а не как «деятельность» — то это, конечно же, яркий случай переводческого лукавства, намеренного смещения значения для того, чтобы развить собственные воззрения, оперевшись на высказывание авторитетного предшественника. При этом исходной точкой для Вяч. Иванова становится не немецкое «Tätigkeit», первичное в тексте Гумбольдта, смысл которого ясен, но греческое «ἐνέργεια» значение которого «зыбко» и которое предоставляло возможность Вяч. Иванову для развития собственных идей.

Предпринятый экскурс помогает понять значение мимолетного упоминания Вильгельма фон Гумбольдта Вяч. Ивановым в лекции II по поэтике: «Потебня говорит, что слово есть энергия (повторяет мысль Гумбольдта)» (II; 1: 12).¹ Здесь уже все дается с точностью до наоборот: как уже было показано выше, для Потебни язык и «дело», и «деятельность», а для Гумбольдта в интересующем нас пассаже — только «деятельность». Но преобразая «деятельность» в «энергию» и тем самым заставляя Гумбольдта и Потебню «усвоить» собственный взгляд, Вяч. Иванов высвечивает самое важное для него — понимание языка как динамической самосозидающей субстанции. Это важная предпосылка для развития в лекциях собственных взглядов и на язык в целом, и на язык поэзии в частности.

ДВУЕДИНСТВО ЯЗЫКА И ПОЭЗИИ

Лекции запечатлели живой ход мыслей Вяч. Иванова, еще не отлившихся в законченную форму, не до конца завершенных, порой противоречивых. Так, в начале своего

¹ Весьма существенно, что фразу с упоминанием Гумбольдта продолжает пассаж, подчеркивающий творческий заряд слова, постоянное взревание в нем смыслов, его семантическую незавершенность, «зыбкость», являющуюся залогом движения, понимаемого, прежде всего, как порождение новых смыслов: «Значение слова должно быть зыбким, в этом его сила. Слово не равно себе, каждый значительный поэт есть словотворец. Обыкновенно думают, что поэзия должна внушать благородные идеи; нет, поэзия должна вызывать из стихии языка новые образы» (II; 1: 12).

курса Вяч. Иванов приводит два определения поэзии, но в промежутке между ними прибавляет, что «дать определение поэзии нельзя; мы можем лишь описать ее признаки». Обе формулировки получают таким образом значение неких «приближений», подходов, намечаемых с различных сторон. Приведу первую из дефиниций:

Найти можно много определений для поэзии, но поэзия неуловима; поэзия есть, она должна быть раскрыта, она проявляется как вечно сущая стихия в различных формах; историческая поэтика должна раскрыть сущность поэзии, поэзию можно определить так: «Совокупность поэтических проявлений называется поэзией» = «Совокупность проявлений, относящихся к поэзии, называется поэзией».

Поэзия не есть искусство, употребляющее в качестве своего материала слово (так определяли раньше), *поэзия есть естественная функция языка* (так думают теперь) (I; 1: 5).

Как видим, в последней фразе процитированного отрывка Вяч. Иванов возвращается к мысли о субстанциональности языка, изложенной им в статье «Наш язык»; но в лекциях она лишена религиозной и неославянофильской огласовки. Более того, также и за поэзией признается субстанциональность — ей «приписывается бытие». Отвергая точку зрения, что слово является материалом поэзии, поэт-профессор здесь дистанцируется от последователей Потебни, охотно варьировавших эту мысль.¹ Утверждая, что «так думают теперь», и таким образом придавая всеобщность постулату о том, что «поэзия есть естественная функция языка», Вяч. Иванов не называет представителей этих взглядов, но благодаря контексту нетрудно догадаться, что так думает именно он. Далее отмечая, что на многие вопросы, связанные с происхождением и сущностью языка, общепринятых ответов нет, Вяч. Иванов констатирует «ясность» в вопросе «возникновения языка и поэзии во времени, по отношению друг к другу».

¹ Ср. в статье Д. Н. Овсянико-Куликовского «Лингвистическая теория происхождения и эволюции поэзии»: «С этой точки зрения язык понимается не только как материал поэзии, но и как ее орган» и далее (Вопросы теории и психологии творчества. Т. I: изд. 2-е, перераб., значит. доп. С. 21). Ср. примеч. 37 и относящийся к нему текст.

Эту «ясность», как видно из последующих строк, в суть вопроса вносит теория самого Вяч. Иванова о звукообразе:

Сочетание образа предмета с определенным звучанием, т. е. звукообраз, есть основа языка, его первое ядро; но этот же звукообраз есть первая ячейка поэтического организма, таким образом, начальный язык есть язык поэтический и начало языка совпадает с началом поэзии. Язык прозаизируется с началом возникновения отвлеченных понятий. Но каждое слово (или многие из слов) есть уже фигуральное выражение, ибо предметы часто назывались по действию или по аналогии с другими предметами: данный звуковой комплекс на данное представление переносился с другого представления (I; 1: 5–6).

Как и в обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова», возникновение звукообраза — важнейший, если не центральный момент и глоттогенеза, и создания поэтического произведения, таким образом, параллель, проводимая Потебней между творением языка и поэтическим творчеством, сохранена в рассуждениях Вяч. Иванова и усилена введением понятия «звукообраз». Это, несомненно, реакция поэта на нападки, которым постулат о поэзии как мышлении образами подвергся со стороны Шкловского и его единомышленников.¹ Их аргументы для Вяч. Иванова убедительны, он признает, что теория Потебни «поколеблена». Размышление Вяч. Иванова о «видении поэта», «не вполне тождественном с видением поэта», возникающем в словесном произведении, направлено против сугубо психологических интерпретаций Гершензона, рассматривавшего литературные произведения в первую очередь как «свидетельства души». Отстаивая автономность художественного текста и «видения», возникающего в нем, поэт продолжал сдержанную полемику с книгой Гершензона «Видение поэта» (1919), начатую в отзыве на нее:

¹ Во второй лекции Вяч. Иванов еще раз касается этой темы, упоминая еще раз соратников Шкловского: «Прежде думали, что поэзия должна создавать нам образы; указанный лингвистический кружок показывает, что образа часто в поэзии нет, а есть, например, аффект («И скучно, и грустно...»). Однако мы не говорим, что образ мало значит в поэзии. Основное в поэзии звук, который, правда, требует тотчас образа. Поэзию определяет звукообраз; от звучания являются образы» (II; 1: 13).

Древнее создание поэзии есть самый язык культурного народа. Потембня строит свои теории языка и поэзии на допущении, что мышление поэта есть мышление образами. Теперь эта теория поколеблена, сводить всю поэзию на образность нельзя, до образа был звукообраз. Поэзия есть не только обращение поэта к образам, — поэзия есть обращение поэта к стихии родного языка, без всякой цели, из любви к языку. Предмет поэтического таланта — стихия языка. Брак поэтического таланта со стихией языка рождает поэтическое произведение. Поэтическое произведение поэта получается не вполне похожее на настоящее видение поэта, стихия языка дает образу звуки, создает нечто не вполне тождественное с видением поэта (I; 1: 7–8).

Возвращаясь во второй лекции к тому, что было сказано в первой, Вяч. Иванов находит ряд афористических формулировок для уже высказанных мыслей и касается наконец вопроса о «формах поэзии», о ее телеологии, о ее отношении к прозе:

Поэтика — дисциплина далекая от завершения. Поэзия проявляется как вечно сущая стихия в различных формах; поэзия проявляется разное, но она все та же; поэзия едина, как один язык, с которым она связана и который представляет из себя некую единую стихию. Она ведет существование вместе с языком, и, раз он один, то и она едина, — являясь его функцией. Язык, кроме поэзии имеет и другие функции, но она — одна из его существенных функций. После дифференциации прозаического языка из поэтического, начинается новое поэтическое творчество, которое выделяет из себя прозу. Поэзия есть непрерывное деторождение языка. Язык рождает новые словесные формы. Вообще, как уже говорилось, дать определение поэзии нельзя; мы можем лишь описать ее признаки.

Язык в поэзии не орудие и средство, как в прозе, а *цель*. Проза есть речь, где язык служит средством, она преследует цели, лежащие вне языка. Поэзия служит самоцелью. Так Кант и Шиллер смотрели на искусство. Поэзия целесообразна, но цель ее в ней самой, проза имеет цель трансцендентную (научную, цель речи оратора). Гете говорит, что поэзия имеет ритм и рифму и этим отличается от прозы. Но нельзя считать поэтическим произведением, например, «О пользе стекла». С другой стороны, художественная проза имеет ритмированную речь и подчиняется законам эвфонии. Не непременно поэтическое произведение должно быть стихотворно. (II; 1: 10).

В вышеприведенной цитате обращает на себя понятие «функции», используемое Вяч. Ивановым, тем более что это происходит как раз в то время, когда Р. О. Якобсон стал говорить о поэзии «как о языке в его эстетической функции», как о «высказывании с установкой на выражение».¹ Вяч. Иванов не конкретизирует, что он понимает под «функцией», не указывает, каковы «другие функции» языка, но из контекста ясно, что для поэта-символиста на первом плане «органическая» характеристика поэзии, а коммуникативный аспект, важнейший для Якобсона, для него роли не играет.²

Нетрудно также заметить, что Вяч. Иванов использует понятие «проза», то в одном, то в другом значении.

Во-первых, «проза» — это язык каждодневного обихода и текстов нехудожественных (научных, ораторских и проч.), написанных не стихами (в этом смысле весьма показательно упоминание стихотворного трактата Ломоносова как произведения непоэтического). Она противопоставляется поэзии как явление внеэстетическое, не самоцельное, служащее прагматическим целям. Подобное толкование близко трактовкам Штейнтала³ и Потебни, но с тем отличием, что аспект версификационный при характеристике поэзии как противоположности прозы ими совершенно не принимается в расчет. Для Потебни это в большей степени психологическая

¹ Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый (Виктор Хлебников). Прага, 1921. С. 11. При этом крайне маловероятно, чтобы брошюра Якобсона, опубликованная в Праге, могла стать в Баку скоро известна Вяч. Иванову.

² Та же мысль была более рельефно выражена в статье Вяч. Иванова «К проблеме звукообраза у Пушкина», когда он полемизирует с формалистским пониманием поэтического творчества как «механической по отношению к нему (языку — *К. Л. Д.*) деятельности, состоящей в новых сочетаниях готового словесного материала», и утверждает, описывая момент словопорождения, что «поэзия — поистине „функция языка“ и явление его органической жизни» (*Иванов Вяч. К проблеме звукообраза у Пушкина // Московский пушкинист: Статьи и материалы / под ред. М. А. Цявловского. М.: Федерация, 1930. Кн. II. С. 96.*

³ Геймана Штейнтала Вяч. Иванов упоминает несколько ниже и опять же в связи с проблемой «прозы»: «Штейнталь указывает, что проза — единственный язык наших сношений; поэзия же является самоцелью, она не стремится к чему-то, лежащему вне ее, и потому может быть названа бескорыстной» (II; 1: 13).

категория, т. е. проза для него это в первую очередь мышление, лишенное образности, и лишь затем речь, запечатлевшая это мышление.¹

Во-вторых, «проза» — это язык художественной прозы, т. е. художественных произведений, написанных не стихами. Но о них речь даже не заходит — огромный массив романов, повестей, рассказов удостоивается лишь финальной оговорки и расплывчатого замечания о «ритмированной речи» и «законах эвфонии». Кажется, что поэту Вячеславу Иванову этот разряд произведений просто не интересен. В подобном контексте понятие «поэзии» также двойится. Конечно же, ее в первую очередь составляют произведения, написанные стихами, что подтверждает второе определение поэзии, заключающее третью лекцию:

Попытка определения поэзии с точки зрения форм: «Поэзия есть речь, закрепленная и связанная внешними звуковыми формами языка, основанная на звукообразе как заложенном в стихии языка — в органическом единстве, и представляющая собой всякий раз новый момент в раскрытии языка и его энергии». Язык сам уже мыслит. Язык как стихия, содержит в себе все дальнейшее творчество. (III; 1: 19).

Предложенное определение поэзии, хотя и сделано «с точки зрения форм», содержит значительную психологическую компоненту — раз уж язык объявляется мыслящей субстанцией, то и поэзия, неотъемлемая от него, понимается как субстанция мыслящая, осуществляющая определенный вид мышления. Лишь при таком условии возможно говорить об

¹ Ср. в курсе лекций Потебни «Психология поэтического и прозаического мышления» (1880-е; опубл. Б. А. Лезиным в 1910 году): «Что же в таком случае есть прозаическое мышление? Это — мышление в слове (а можно думать и не словами, а музыкальными звуками, цветами, очертаниями), при котором значение (частный факт или общий закон) выражается непосредственно, без помощи образа» (*Потебня А. А. Слово и миф / отв. ред. и предисл. А. К. Байбурина; сост., подг. текста и примеч. А. Л. Топоркова. М., 1989. С. 234*). Ср. также в статье А. Г. Горнфельда «Проза»: «Проза как особый склад мысли и речи в известных отношениях противоположен поэтическому. С этой точки зрения проза тождественна науке» (*Вопросы теории и психологии творчества. Т. I: изд. 2-е, перераб., значит. доп. С. 317*).

отрыве поэзии от стихотворной формы («Не непременно поэтическое произведение должно быть стихотворно»).

Избранный метод отказа от определения сущности поэзии и приближения к ее пониманию с различных точек зрения позволяет Вяч. Иванову высветить ряд важных аспектов, поделиться отдельными глубокими наблюдениями, но и избежать при этом излишней, сковывающей определенности.

* * *

Рассмотренные выше установочные лекции курса Вяч. Иванова по поэтике, в которых он касался общих проблем словесного творчества, свидетельствуют о глубокой вовлеченности поэта в дискурс теоретических споров о поэтическом творчестве в первые послереволюционные годы. Несмотря на некоторую антипатию к утверждающемуся формализму, он с пристальным интересом следил за публикациями его представителей, с которыми его сблизил, прежде всего, пристальный интерес к фонетической стороне поэзии, к средствам ее выразительности. Вяч. Иванов признавал убедительность критики Потебни, предпринятой формалистами, но в целом ему был чужд их сугубо «эмпирический», безвдохновенный взгляд на литературу.¹ Традиция Потебни, восходящая к Вильгельму фон Гумбольдту, куда более близка Вяч. Иванову, но и в эпигонском изводе учеников

¹ Играло роль и то, что Вяч. Иванов прекрасно представлял себе глубинную связь между формализмом и футуризмом; первый, как известно, возник в значительной мере как теоретическое осмысление литературных практик второго. 9 февраля 1921 года во время одной из бесед с Альтманом, находясь вдвоем со своим учеником, поэт весьма резко выразил свое отторжение от поэзии футуризма: «— Это — поэзия намеков, — сказал В., — но притом дурно пахнущих, отвратительных, гнилых, и при этом сами футуристы мне физиологически противны, они какие-то сладострастные облизы. Они напоминают мне французских буржуа — „мы работаем в сукнах“, „мы — в лесах“ (коммерсанты фабричные и лесные), „мы работаем в грязи“ — должны сказать футуристы. И Бодлер изображает падаль, но при этом он не чувствует себя в этой падали так дома, как футуристы. Бодлер дает нам почувствовать мировую скорбь, футуристы же — это могильные черви, довольные своей судьбой; Бобок — вот предел их желаний. Подполье — вот их место. Но зачем мне-то идти в подполье, когда я живу во дворце старинном, где живут и Дант, и Эсхил». (*Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 49*).

Потебни принять он ее не мог. При этом классическая гумбольдтианская триада «форма внутренняя; форма внешняя; содержание» для него не поколеблена; напроочь отказаться от образности в поэзии он не намерен; как и для Потебни, слово для него динамическая, живая единица, способная изменять и развивать свое значение, а творчество поэта сродни творению языка.

Концепция «звукообраза», которую Вяч. Иванов впервые артикулировал в обзоре «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» и которую продолжал развивать в бакинских лекциях перед студентами, должна была помочь отстоять эти ценности, сняв несколько наиболее явных противоречий в суждениях Потебни и тем способствуя пристальному анализу «внешней формы» поэзии. Весьма показательно, что, приехав в конце мая 1924 года в Москву, Вяч. Иванов 9 июня 1924 года выступил с докладом «Пушкин и формальная поэтика» на заседании литературной секции Российской академии художественных наук,¹ а через год завершил работу над статьей «К проблеме звукообраза у Пушкина», в которой подвел итоги своего почти шестилетнего диалога с формальной школой, повторив многое из того, что говорил своим студентам в Баку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост., подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995.
2. *Белецкий А. И.* Несколько слов о разработке научной поэтики в России и на Западе (от редактора) // Мюллер-Фрейенфельс Р. Поэтика / перевод с немецк. изд. 1921 г. И. Я. Каганова и Э. С. Паперной, ред. и предисл. проф. А. И. Белецкого, изд. «Труд», Харьков, 1923. С. 3–20.
3. *Белькинд Е. Л.* Теория и психология творчества в неопубликованном курсе лекций Вяч. Иванова в Бакинском гос. университете (1921–1922 гг.) // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980. С. 208–214.

¹ Протокол, фиксирующий краткое содержание доклада и прений по нему, опубликован в статье: *Обатнин Г. В., Постоупенко К. Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод: (материалы к теме). С. 180–187.

4. *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и Советская власть (1919–1929): Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305–331.
5. *Гаспаров М. Л.* Каролингские тетраметры и теоретическая модель латинского ритмического стиха // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 193–201.
6. *Гиндин С. И.* Как Московский лингвистический кружок воевал с Брюсовым и Потебней / Сост., вступ. заметка и коммент. С. И. Гиндина; подгот. текстов А. В. Маньковского // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. С. 70–78.
7. *Жирмунский В. М.* «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 3–37.
8. *Завьялов С. А.* Вячеслав Иванов — переводчик греческой лирики // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. С. 163–184.
9. *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов профессор Бакинского университета // Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 326–339.
10. *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Труды А. Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 96–110.
11. *Михайлов А. В.* Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры: очерки из истории филологической науки. М., 1989.
12. *Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю.* Вячеслав Иванов и формальный метод: (Материалы к теме) // Русская литература. 1992. № 1. С. 180–187.
13. *Пильщикова И. А.* «Внутренняя форма слова» в теориях поэтического языка // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 54–76.
14. *Пильщикова И. А., Устинов А. Б.* Дебют Виктора Шкловского в Московском лингвистическом кружке: От «истории романа» к «развертыванию сюжета» // Литературный факт. 2018. № 9. С. 314–334.
15. *Пильщикова И. А., Устинов А. Б.* Московский лингвистический кружок и становление русского стиховедения (1919–1920) // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / ed. by L. Fleishman, D. M. Bethea and I. Vinitsky. 2021. P. 389–413.
16. *Потебня А. А.* Слово и миф / отв. ред. и предисл. А. К. Байбурина; сост., подг. текста и примеч. А. Л. Топоркова. М., 1989.
17. *Розенфельд Б.* Поэтика // Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9. Стлб. 215–224.
18. *Светликова И. Ю.* Истоки русского формализма: Традиция психологизма и формальная школа. М., 2005.

19. *Смирнова Н. Н.* Образ в теории чтения М. О. Гершензона // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 148–154.
20. *Тамарченко Н. Д.* Поэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М., 2008. С. 182–186.
21. Томашевский и Московский Лингвистический кружок / [публ., предисл. и примеч. Л. С. Флейшмана] // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 422. С. 113–132 (Труды по знаковым системам, IX).
22. Три неизданные рецензии В. И. Иванова / публ. К. Ю. Постоутенко // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 237–251.
23. Фольклорные темы на заседаниях Московского лингвистического кружка (вступительная статья и подготовка текста А. Л. Топоркова; комментарии А. Л. Топоркова и А. А. Панченко) // Неизвестные страницы русской фольклористики / отв. ред. А. Л. Топорков. М., 2014. С. 56–141.
24. *Ханзен-Лёве О.* Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М., 2001.
25. *Шкловский В. Б.* Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933) / сост. А. Ю. Галушкина и А. П. Чудакова; предисл. А. П. Чудакова; комментарии и подгот. текста А. Ю. Галушкина. М., 1990.
26. *Эрлих В.* Русский формализм: история и теория / пер. с англ. А. В. Глебовской. СПб., 1996.
27. *Эткинд Е.* Вячеслав Иванов и вопросы поэтики. 1920-е годы // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. 35 (1–2). Janvier–Juin. P. 141–154.
28. *Lehmann R.* Deutsche Poetik. München, 1908.
29. *Tamarchenko A.* The Poetics of Vyacheslav Ivanov: Lectures Given at Baku University // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / ed. by R. L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven, 1986. P. 83–95.

REFERENCES

1. *Al'tman M. S.* Razgovory s Viacheslavom Ivanovym / Sost., podgot. tekstov V. A. Dymshitsa i K. Iu. Lappo-Danilevskogo. SPb., 1995. (In Russ.)
2. *Beletskii A. I.* Neskol'ko slov o razrabotke nauchnoi poetiki v Rossii i na Zapade (ot redaktora) // Miuller-Freienfel's R. Poetika /perevod s nemetsk. izd. 1921 g. I. Ia. Kaganova i E. S. Papernoj, red. i predisl. prof. A. I. Beletskogo, izd. «Trud», Khar'kov, 1923. S. 3–20. (In Russ.)
3. *Bel'kind E. L.* Teoriia i psikhologiiia tvorchestva v neopublikovanom kurse lektsii Viach. Ivanova v Bakinskom gos. universitete

- (1921–1922 gg.) // *Psikhologiiia protsessov khudozhestvennogo tvorchestva*. L., 1980. S. 208–214. (In Russ.)
4. *Berd R.* Viach. Ivanov i Sovetskaia vlast' (1919–1929): Neizvestnye materialy // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1999. No 40. S. 305–331. (In Russ.)
 5. *Gasparov M. L.* Karolingskie tetrametry i teoreticheskaia model' latinskogo ritmicheskogo stikha // *Antichnaia kul'tura i sovremennaia nauka*. M., 1985. S. 193–201. (In Russ.)
 6. *Gindin S. I.* Kak Moskovskii lingvisticheskii kruzhok voeval s Briusovym i Potebnei / Sost., vstup. zametka i komment. S. I. Gindina; podgot. tekstov A. V. Man'kovskogo // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2007. No 86. S. 70–78. (In Russ.)
 7. *Erlikh V.* Russkii formalizm: istoriia i teoriia / per. s angl. A. V. Glebovskoi. SPb., 1996. (In Russ.)
 8. *Etkind E.* Viacheslav Ivanov i voprosy poetiki. 1920-e gody // *Cahiers du Monde russe*. 1994. Vol. 35 (1–2). Janvier–Juin. P. 141–154. (In Russ.)
 9. Fol'klornye temy na zasedaniiakh Moskovskogo lingvisticheskogo kruzhka (vstupitel'naia stat'ia i podgotovka teksta A. L. Toporkova; kommentarii A. L. Toporkova i A. A. Panchenko) // *Neizvestnye stranitsy russkoi fol'kloristiki / otv. red. A. L. Toporkov*. M., 2014. S. 56–141. (In Russ.)
 10. *Khanzen-Leve O.* Russkii formalizm: Metodologicheskaia rekonstruktsiia razvitiia na osnove printsipa ostraneniia. M., 2001. (In Russ.)
 11. *Kotrelev N. V.* Viach. Ivanov — professor Bakinskogo universiteta // *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. XI. Literaturovedenie. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 209. Tartu, 1968. S. 326–339. (In Russ.)
 12. *Lappo-Danilevskii K. Iu.* Trudy A. N. Veselovskogo i bakinskie lektsii Viach. Ivanova po poetike // *Aleksandr Veselovskii. Aktual'nye aspekty naslediiia. Issledovaniia i materialy*. SPb., 2011. S. 96–110. (In Russ.)
 13. *Lehmann R.* *Deutsche Poetik*. München, 1908.
 14. *Mikhailov A. V.* Problemy istoricheskoi poetiki v istorii nemetskoii kul'tury: ocherki iz istorii filologicheskoi nauki. M., 1989. (In Russ.)
 15. *Obatnin G. V., Postoutenko K. Iu.* Viacheslav Ivanov i formal'nyi metod: (Materialy k teme) // *Russkaia literatura*. 1992. No 1. S. 180–187. (In Russ.)
 16. *Pil'shchikov I. A.* «Vnutrenniaia forma slova» v teoriiakh poeticheskogo iazyka // *Kritika i semiotika*. 2014. No 2. S. 54–76. (In Russ.)
 17. *Pil'shchikov I. A., Ustinov A. B.* Debiut Viktora Shklovskogo v Moskovskom lingvisticheskom kruzhke: Ot «istorii romana» k «razvertyvaniu siuzheta» // *Literaturnyi fakt*. 2018. No 9. S. 314–334. (In Russ.)

18. *Pil'shchikov I. A., Ustinov A. B.* Moskovskii lingvisticheskii kruzhok i stanovlenie russkogo stikhovedeniia (1919–1920) // Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / ed. by L. Fleishman, D. M. Bethea and I. Vinitsky. 2021. P. 389–413. (In Russ.)
19. *Potebnia A. A.* Slovo i mif / otv. red. i predisl. A. K. Baiburina; sost., podg. teksta i primech. A. L. Toporkova. M., 1989. (In Russ.)
20. *Rozenfel'd B.* Poetika // Literaturnaia entsiklopediia. M., 1935. T. 9. Stlb. 215–224. (In Russ.)
21. *Svetlikova I. Iu.* Istoki russkogo formalizma: Traditsiia psikhologizma i formal'naia shkola. M., 2005. (In Russ.)
22. *Smirnova N. N.* Obraz v teorii chteniia M. O. Gershenzona // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 26. № 4. S. 148–154. (In Russ.)
23. *Tamarchenko A.* The Poetics of Vyacheslav Ivanov: Lectures Given at Baku University // Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / ed. by R. L. Jackson and L. Nelson, Jr. New Haven, 1986. P. 83–95.
24. *Tamarchenko N. D.* Poetika // Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii / [gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko]. M., 2008. S. 182–186. (In Russ.)
25. *Tomashevskii i Moskovskii Lingvisticheskii kruzhok* / [publ., predisl. i primech. L. S. Fleishmana] // Uchen. zap. Tartus. gos. un-ta. Tartu, 1977. Vyp. 422. S. 113–132 (Trudy po znakovym sistemam, IX). (In Russ.)
26. *Tri neizdannye retsenzii V. I. Ivanova* / publ. K. Iu. Postoutenko // Novoe literaturnoe obozrenie. 1994. No 10. S. 237–251. (In Russ.)
27. *Shklovskii V. B.* Gamburgskii schet: Stat'i — vospominaniia — esse (1914–1933) / sost. A. Iu. Galushkina i A. P. Chudakova; predisl. A. P. Chudakova; kommentarii i podgot. teksta A. Iu. Galushkina. M., 1990. (In Russ.)
28. *Zav'ialov S. A.* Viacheslav Ivanov — perevodchik grecheskoi liriki // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. No 95. S. 163–184. (In Russ.)
29. *Zhirmunskii V. M.* «Istoricheskaia poetika» A. N. Veselovskogo // Veselovskii A. N. Istoricheskaia poetika. L., 1940. S. 3–37. (In Russ.)